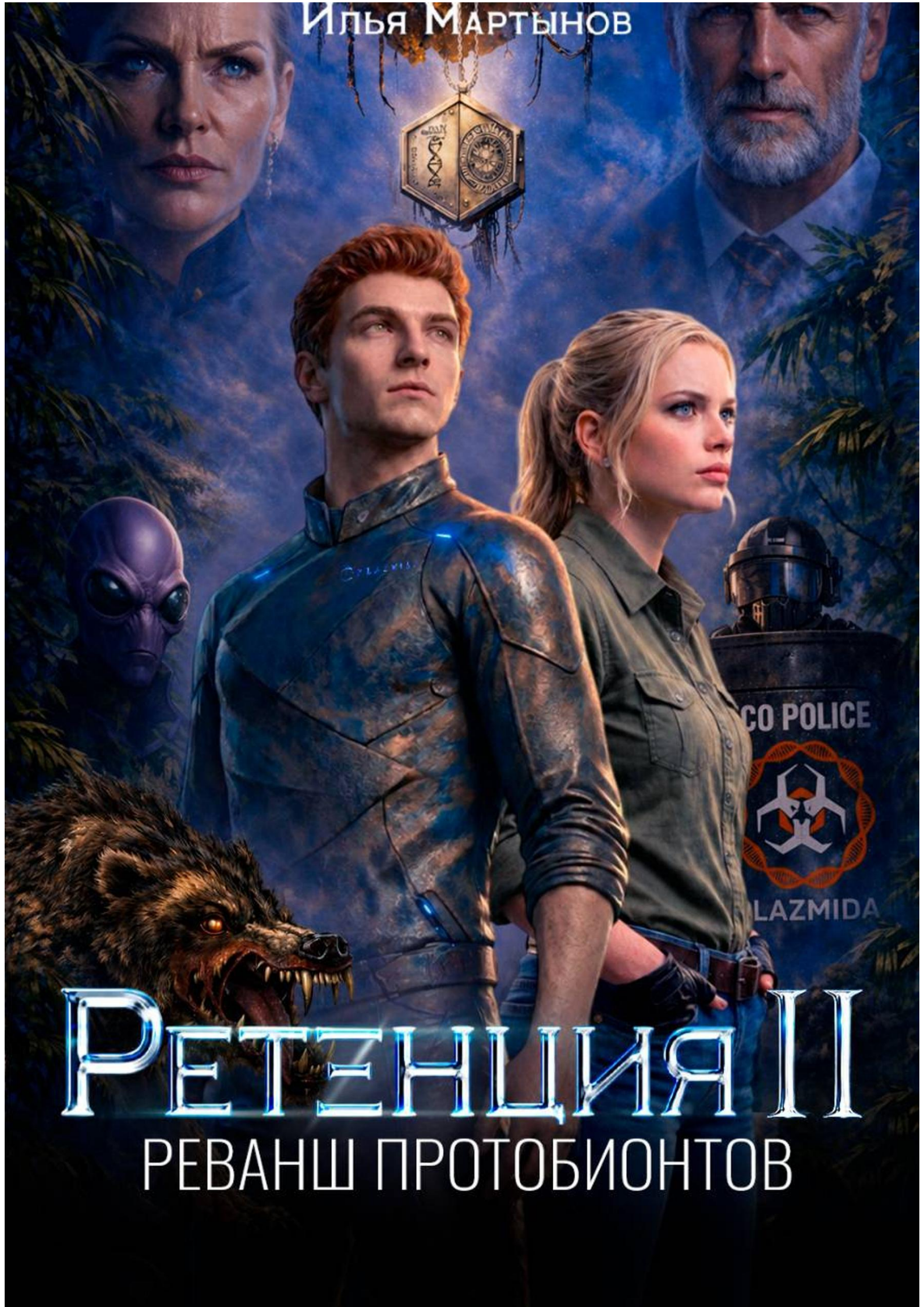
Илья Мартынов

Ретенция II

Реванш протобионтов

Илья Мартынов

Ретенция II. Реванш протобионтов

«Автор»
2026

Мартынов И.

Ретенция II. Реванш протобионтов / И. Мартынов — «Автор», 2026

После побега из Мингалоса Трэй и Раварта находят убежище на заброшенном острове биоконсервации. Среди дикой природы они надеются обрести покой, но натыкаются на законсервированный подземный комплекс, хранящий опасные тайны прошлого.Хрупкая идиллия рушится с высадкой карательного десанта. Схваченный Корпорацией «Плазмида», Трэй проходит через изощрённые пытки и показательный суд, приговаривающий его к высшей мере наказания. Дерзкая вылазка уцелевших бойцов «Плодородия» спасает его от расстрела, но цена спасения чудовищна.Раварта остаётся в застенках Службы безопасности в ожидании казни. Сам Трэй почти ослеп после допросов, и лидеры повстанцев наотрез отказываются брать его на операцию.Разрываясь между жаждой мести за погибшую сестру и страхом потерять возлюбленную, Трэй обязан бросить вызов собственному бессилию. Смогут ли мятежники сокрушить систему и вырвать Раварту из рук палачей?

© Мартынов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 20
Глава 3 24
Глава 4 30
Глава 5 35
Глава 6 39
Глава 7 49
Глава 8 52
Глава 9 63
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Илья Мартынов
Ретенция II. Реванш протобионтов

РЕТЕНЦИЯ II
Илья Мартынов

Глава 1

Лучи света пробиваются сквозь её слегка волнистые волосы, играя на них искрами пламени. Не могу удержаться и провожу по её прядям рукой, стараясь погрузить пальцы как можно глубже. Раварта ещё дремлет: вчера был тяжёлый день. Ураганный ветер вывернул часть изгороди и раскидал наши вещи. За два месяца, что мы здесь, это вторая подобная буря.

Шаттл доставил нас на остров биоконсервации. Топлива почти не осталось; его количество было рассчитано лишь на путешествие в одну сторону. Мы думали, здесь кто-то будет, но остров оказался совершенно безлюдным. Он не маленький — наверное, километров двадцать в длину и около пятнадцати в ширину, — но у нас было достаточно времени, чтобы прочесать его вдоль и поперёк. Две недели поисков каких-либо следов поселений не увенчались успехом. Лишь однажды на одном из высоких холмов мы наткнулись на несколько металлических конструкций, которые хищно скалились острыми зубами побитых стёкол.

Строения напоминали теплицы — только не такие, как в захолустных районах Мингалоса, а более технологичные. На скалистой породе валялись металлические трубки с торчащими изнутри проводами. Возможно, это был лабораторный комплекс, но уверенности в этом у меня нет. В последнее время у меня вообще нет ни в чём уверенности, даже в собственной адекватности.

Я потихоньку приподнимаюсь, спускаю ноги с настила. Стопы щекочет холодная трава. Уже ближе к двум по местному времени, надо выбраться наружу и умыться.

Вылезаю из нашего импровизированного дома из связанных наспех засохших стволов и толстых стеблей и зажмуриваю глаза от яркого, слепящего солнца. Несмотря на то что наше жилище в глубине острова и вокруг непроходимые джунгли, агрессивное солнце находит способы добраться и сюда. Сперва мы жили в шаттле, но оттуда было слишком далеко до источников воды и пищи, и нам пришлось перебраться вглубь острова, пейзажи которого, надо отметить, оказались весьма живописны.

Вдыхаю густой, терпкий аромат влажной листвы. На языке остаётся сладковатый привкус. Наверное, это пыльца, прилетающая с крупных сиреневых и белых цветков, которые повсюду свисают с древовидных стеблей. Эти цветы, словно яркие фонарики, разбросаны по округе. На острове множество цветов самых разных раскрасок и форм. Стебли и листья сочно-зелёные, словно каждый из них вобрал в себя зелень сразу нескольких растений из нашего загородного леса. К своему стыду, я не могу опознать даже половины произрастающих здесь видов. Ничего подобного в наших широтах не встречал. Некоторые растения выглядят настолько странными, что даже пугают. Раварта пояснила мне, что все они истинные, природные, не тронутые молекулярными щипцами генных инженеров. Во всяком случае, она так думает.

Купающиеся в концентрированной зелени склоны нескольких больших холмов, скорее даже небольших гор, поначалу завораживали нас своей величественностью. Таких исполинских вершин мне ещё видеть не доводилось.

Я снимаю с дерева контейнер и умываюсь водой, которую мы набрали позавчера в ручье у подножия горы. Контейнер, как и некоторые инструменты, нашлись в грузовом отсеке шаттла. Вода в ёмкости уже изрядно прогрелась и теперь почти как парное молоко, которое я однажды пил в посёлке возле окраин Мингалоса.

«Надо раздобыть немного еды для Раварты».

Слышу шорох из нашего жилища. Поворачиваюсь на звук, но не сразу удаётся разлепить мокрые веки. Вешаю почти пустой контейнер обратно на сук.

— Ты уже проснулся? Давно? — Раварта, только что выбравшаяся наружу, зевает и потягивается, грациозно выгибая спину.

— Минут пять назад, — смахиваю с лица тёплые капли.

Она звонко смеётся.

— Чего? — невольно улыбаюсь в ответ.

— Ты как енот… как его там… — она пытается сконцентрироваться, но её мысли ещё вязнут в остатках сна. — Тьфу, не помню.

«Енот-полоскун». Но я ей не подсказываю. Пусть сама напрягается, раз вздумала меня сравнивать со зверями.

— Сама ты енот! — подбегаю к ней и взмахиваю рукой, так что брызги летят на лицо Раварты.

— Трэй! Что ты делаешь?! — Она почти визжит и прикрывает лицо руками. — Совсем сдурел?

— Утренний душ, дорогая! — хохочу я, отскакивая на безопасное расстояние.

— Я тебе сейчас устрою душ! — она ланью мчится к дереву с контейнером.

Я прячусь за нашим домом-шалашом.

— Чёрт, вода почти закончилась, — расстроенно констатирует Раварта.

— Ты чего там? — Выглядываю из-за шалаша. Её веселье улетучивается, она стоит, понурив плечи. Всматриваюсь в её лицо — брови резко сдвигаются, делаясь строгими, как у осы. Такой родной и знакомой осы.

— Давай я схожу за водой, — тихо предлагаю ей.

— Нет. Пойдём лучше к океану. Освежимся бризом, и… может, сегодня повезёт с уловом.

— Да, согласен. А то в животе урчит со вчерашнего дня.

Я беру небольшой металлический ломик, захваченный из шаттла, и им расчищаю дорогу. Мы регулярно прокладываем тропу, но она будто бы зарастает за день-два. Вот и сейчас на ходу приходится разрубать стебли и крупные листья. Я всё ещё немного прихрамываю на левую ногу после того случая с нападением дроидов на пристани. Сейчас уже полегче, но временами цепкая боль всё же сковывает мышцы ниже колена.

Пока я борюсь с зелёной изгородью, Раварта внимательно оглядывается по сторонам, прикрывая тыл. Ходить в джунглях небезопасно. К змеям и многоногим гусеницам мы привыкли. Одна такая гусеница меня как-то цапнула за руку: два пальца распухли на неделю. Это была не совсем гусеница, конечно. У наших мингалосских гусениц нет твёрдого панциря и таких длинных усов, как у местных. Ещё здесь водятся муравьи и всевозможные пауки.

Но в джунглях обитают твари пострашнее змей и пауков. Несколько раз мы видели вдалеке тёмные силуэты крадущихся хищников. Видимо, мы для них неизвестные гости, поэтому они пока держатся от нас подальше. Однажды ночью кто-то очень крупный шуршал возле нашего жилища. Тварь явно что-то вынюхивала, присматривалась. Раварта услышала и разбудила меня. Из оружия у нас только ломик да пара кухонных ножей. Раварта тогда схватила один из них и шептала, что нужно сразу постараться выколоть хищнику глаз, если полезет внутрь. Сейчас мне немного весело от нашего безумного плана, но тогда это почему-то казалось единственным логичным решением.

Мы понятия не имеем, что это за хищники, поэтому всегда начеку. Мы оба хорошо помним ту проклятую ночь, когда нам пришлось отбиваться от опасных генномодифицированных муравьедов. Сегодня вроде всё тихо. Джунгли хоть и густые, но не очень протяжённые.

Постепенно лес редеет, и его сменяют редкие кустарники. Позади остаётся группа саговников. В НИВПР нам рассказывали, что некогда их считали живыми ископаемыми растениями, но потом с помощью молекулярных часов удалось узнать, что им не более пятнадцати миллионов лет. Саговники произрастали в тёплых широтах. После потопа все саговники считались вымершими. Мы их видели в огромных колбах, куда растения поместили более пятидесяти лет назад. А здесь они спокойно растут. Это означает, что мы либо в тех самых тёплых широтах, либо их сюда завезли специально.

Возвышенность разрезает ландшафт, будто специально оставляя нам пологий пандус, покрытый иссохшей травой.

Идём привычным путём вдоль скалистого ущелья, отвесные стены которого исчерчены серебристыми нитями воды. Сегодня я впервые замечаю, что влажная порода местами покрыта пятнышками зеленоватого мха.

Постепенно протоптанная нами дорога становится шире. Теперь слева поднимаются кустарники, а справа расстилается песчаная полустепь. Веет морской прохладой. Берег совсем близко.

— Думаешь, они скоро за нами придут? — спрашиваю, поравнявшись с Равартой.

Она хмурит брови и молчит. Она знает, что мне нужно что-то ответить: я ведь всё равно не отстану. Такова уж моя натура. Ей не хочется об этом говорить. Внезапно она останавливается, поворачивается ко мне и обвивает руки вокруг моей шеи.

— Мне хочется наплевать на это… правда. Я люблю тебя… Трэй.

Такой искренней я уже её давно не видел. Кажется, в глазах Раварты застыли солёные росинки.

Мы целуемся. Чёрт, это самое прекрасное, что может быть на свете.

Внутри всё поёт, словно только-только пришла весна. Солнце припекает, но кажется, будто жар, исходящий от неё, в сотни раз горячее.

Мы идём, взявшись за руки, к берегу, туда, где меньше всего деревьев у воды. Я поглядываю на её развевающиеся на ветру волосы. Внутри ещё теплота её жара, но к ней примешивается тревога. Кажется, что на острове царит мёртвая тишина, только шелестят листья. Как будто всё здесь ненастоящее. В последнее время в моей голове ещё больше вопросов, чем раньше. Меня пугает, что у нас нет никакого плана. В любой момент за нами могут прийти, приплыть, прилететь или выползти откуда угодно.

— Думаешь, они сразу нас убьют? — она останавливается в десяти метрах от водной глади, медленно отпускает руку и поворачивает голову в мою сторону.

— Я не знаю, — отвечаю я, ошарашенный её вопросом. Она почти угадала ход моих мыслей, словно мы соединены невидимой связью.

— Вероятно, нам остаётся только ждать.

— Чего?! — с тревогой восклицаю я.

— Либо полного дерьма, либо спасения.

— Отличный план! — у меня вырывается нервный смешок.

Пинаю песок растрескавшейся подошвой и смотрю, как пылинки разлетаются в сторону.

— А чего мы хотели? — она мотает головой и нетерпеливо поправляет спутанные волосы. — Сбежали чёрт знает куда…

— Я вообще-то думал, что у «Плодородия» есть план! Они должны за нами вернуться.

— А может, это и был их план? Ты не подумал?

Я таращусь на неё в недоумении и хватаю за руку, словно требуя поддержки.

— То есть ты хочешь сказать, что мы должны были попасть на остров? — наконец спрашиваю я.

— Да я не знаю! И вообще, чем тебе тут плохо? Здесь только ты и я. Навалом всякой живности, натуральной. Никакого ГМО.

— Ты в этом так уверена? Одному богу известно, чем они тут занимались, — я киваю куда-то в сторону, намекая на останки лабораторного комплекса: бетонный фундамент, местами проступающий из оползшей почвы, и торчащие из него оплавленные балки с тёмными пятнами гари.

— Нет, не уверена, — её плечи тяжело вздымаются вверх и падают. — Трэй, я сама уже не в состоянии осознавать происходящее.

— Извини, что давлю на тебя, — я приобнимаю Раварту.

— Ничего. Если Митчел решил, что остров важен для «Ретенции», то, скорее всего, оно так и есть. Думаю, они не станут нас здесь бросать.

— Надеюсь.

Меня не устраивают такие ответы. Чутьё подсказывает: нас в покое не оставят. Иногда мне кажется, что чем дольше мы здесь, тем сильнее сгущаются тучи там, в Мингалосе. За нами придут, обязательно придут. Это дело времени.

Я выпускаю руку Раварты, раздеваюсь и нагишом ныряю в воду. Иногда мы купаемся вместе, но сегодня я хочу охладиться в воде один. Солёная вода забивается в нос, уши. Главное — не глотать. Первый раз, когда купался, глотнул, а потом долго откашливался. Никогда не думал, что вода бывает такой солёной. Плыву с открытыми глазами. Знаю, потом они покраснеют, и я стану похож на вампира из сказок. Раварта будет смеяться — плевать. Мы не в центре Мингалоса.

Косяк золотистобрюхих рыб уходит резко вправо от меня. Я знаю, что она сейчас сядет на берег и будет смотреть. Потом встанет и пойдёт собирать сочные плоды с ветвей прибрежных деревьев. Она не отходит далеко, чтобы держать меня в поле зрения. Боится, что утону. Раварта плохо плавает, поэтому свой страх проецирует на меня.

Переворачиваюсь на спину и лежу с закрытыми глазами. Руки раскинуты в стороны, словно у трупа. Солнце жжёт влажную подсоленную кожу лба. Вода кажется тёплой и едкой, как щёлочь мыла. Она скользит по моим щекам, лбу, по кончику носа, смыкается где-то под подбородком. Вода становится плотнее. Я пытаюсь пошевелиться, но не могу — руки и ноги не слушаются. Веки не разомкнуть, они словно срослись. Голову будто что-то сдавливает. Мне не вдохнуть. Какие-то блики. Размытое очертание огромного аквариума. Я пытаюсь из него выбраться, но меня будто привязали к нему изнутри. Сердце колотится. Каждый удар отдаётся шумным эхом в ушах. Несколько секунд отгоняю от себя видения.

Я делаю вдох, но захлёбываюсь. Пытаюсь откашляться. Кое-как переворачиваюсь и обессиленный плыву к берегу. Вижу её силуэт. Она по колено в воде.

— Трэй, что там случилось? Ты так шумно кашлял. — На её лице волнение.

— Видение как из сна про мыльный пузырь…

— Ты что, уснул? — она берёт меня под руку; в её свободной руке успеваю заметить два красных овальных плода, наполовину завёрнутых в листья с изрезанными краями.

— Нет, Рав, просто закрыл глаза.

Мы выбираемся из воды и медленно идём в сторону кустарников. Неприятный озноб пробирает тело изнутри, но я знаю, что скоро это пройдёт.

— Давай ты больше не будешь плавать… эм, я знаю, что ты любишь плавать, но здесь небезопасно, мы совсем не знаем…

— Рав, мы вообще ничего не знаем о мире, в котором живём! — Я высвобождаюсь из её руки. — Мы дальше своих регионов и не были! Может, вообще мир, в котором мы живём, не такой? Тебе вот в школе про такой остров рассказывали?

Раварта отрицательно качает головой.

— Ладно, давай обсыхай, — ворчит она. — Надо хотя бы плодов собрать и поесть. Живот скоро сам себя сожрёт.

— Думал порыбачить… — осекаюсь, глядя на её одновременно сердитое и встревоженное лицо.

— Давай в другой раз. Сегодня поедим плодов.

Несколько часов мы гуляем вдоль прибрежной зоны, стараясь ходить уже известными тропами. На пути собираем проверенные плоды. Изначально мы подглядывали за тем, что едят птицы. Этому меня научил ещё дедушка. Хотя он также предупреждал, что не всегда то, что съедобно для птиц, подходит и для людей.

— Пора возвращаться, темнеет, — говорю я Раварте, когда она кладёт очередной красный плод в корзинку, наспех сплетённую из длинных листьев.

— Сейчас, ещё немного, — она улыбается.

Я не могу ей отказать, хотя сам понимаю, что мешкать нельзя. Темнота на острове сгущается очень быстро. Через лес ночью идти опасно. Ночевать на берегу неприятно. Сыро и зябко. Напоминает окраины Мингалоса.

Через полчаса я беру увлечённую собирательством Раварту за руку и тащу в сторону тропинки к нашему импровизированному дому. Она прикусывает губу от досады, но подчиняется. Мы быстро проходим скалистое ущелье и приближаемся к джунглям. Влажные от вечерней росы листья окрашиваются багряными отсветами. Скоро совсем стемнеет. Вечером джунгли звучат совсем иначе. Пение дневных птиц смолкает, деревья перестают шуметь. Просыпаются ночные насекомые, заполняя лес стрекотанием.

Я иду спереди, стараясь ступать как можно тише. Нам не следует привлекать внимание. Вся ответственность сейчас на мне, потому что опыта хождения по лесам, пусть и не таким, у меня больше, чем у Раварты.

Мокрые листья прилипают к щекам и шее, словно холодные примочки. От каждого их прикосновения по спине пробегает дрожь. Лесной настил влажный, и ботинки быстро промокают насквозь. Придётся потом разводить костёр, чтобы просушить.

Мы двигаемся дальше медленно и осторожно. До нашего места ночлега ещё минут двадцать таким темпом. Я делаю очередной шаг вперёд и в полутьме вижу, как тонкая, но длинная ветка перед нами плавно прогибается. Резко отвожу руку назад, отдавая безмолвную команду Раварте. Она не успевает среагировать и врезается в меня.

Я оглядываюсь назад, чтобы удостовериться, что с ней всё в порядке. Она не издаёт ни звука, но сжимает мою поясницу рукой — немой, но чёткий сигнал о готовности к отступлению. Я разворачиваюсь и вижу, как по ветке проползает толстая, как канат, змея. У неё тусклозелёная чешуя с рябью ядовито-жёлтых и синих пятен, едва различимых в темноте. Она не издаёт ни звука, но всё равно кажется живой, сконцентрированной угрозой. Широкая и плоская голова медленно, почти незаметно поворачивается в нашу сторону, и я ощущаю взгляд двух чёрных немигающих глаз.

— Что там? — шепчет Раварта из-за спины.

Безмолвно наблюдаю, как в тусклом свете почти зашедшего солнца разноцветные блики пробегают по блестящей чешуе при каждом вдохе рептилии. Пот проступает на лбу, и мне становится не до промокших ботинок. Надеюсь, что змея сейчас уползёт и мне не придётся отбиваться от неё ломом. Но, к моему возмущению, рептилия застывает, словно высеченная из мрамора. Я аккуратно пячусь. Раварта, уже поняв, в чём дело, также отступает.

«Я для её зрения просто огромный тёплый мешок. Спокойнее, сама уползёт. Просто дать ей время». Змея вновь начинает двигаться к краю ветки. Я тяжело выдыхаю.

Делаю шаг назад — раздаётся хруст. Змея моментально замирает, и через секунду её раскрытая пасть мчится к моему лицу. Чудом моя рука с ломом успевает взмыть в воздух и размозжить рептилии голову.

Извиваясь, длинная туша сваливается с ветки. От испуга я вскрикиваю, Раварта тоже не сдерживается. Хватаю её за руку, и мы перепрыгиваем через бьющийся в конвульсиях канат из мышц и нервов.

Срываю крупный резной лист и очищаю им ломик от останков змеиной чешуи и крови.

Мы крутим головами по сторонам, понимая, что опасность может подстерегать откуда угодно. В висках неприятно пульсирует. Раварта внезапно останавливается и хватается за край моей рубашки.

— Ты слышишь? — она шепчет, нервно вздыхая.

— Что? — я разворачиваюсь, пытаясь не оступиться.

— Там шорох справа в кустах… — движением головы она указывает в сторону густых зарослей.

Прислушиваюсь, затаив дыхание. Ветерок почти бесшумно шевелит листья над головой. Вдалеке раздаётся гул ночной птицы. Обычные звуки для здешних мест.

— Ничего такого не слышу, — пожимаю плечами.

Разворачиваюсь и уже собираюсь сделать шаг, когда совсем невдалеке из зарослей доносится треск — сухая ветка ломается под чьей-то солидной тяжестью. Чувствую, как пересохло во рту. Какая-то возня. Шорох, который с каждой секундой усиливается. Что-то приближается к нам.

Раварта жмётся ко мне. Мы берёмся за руки — это получается как-то само собой. Раздаётся тяжёлое сопение и грозное рычание. Кем бы ни было существо, которое затаилось там в кустах, вероятно, оно достаточно крупное. Я смотрю в сторону тропы, прикидываю, как быстро мы сможем по ней бежать. Местный обитатель явно куда проворнее нас.

Шорох усиливается, ветви кустарника расходятся, и два огромных жёлто-зелёных глаза смотрят на нас из тьмы. Раварта вздрагивает, но не произносит ни звука. Мне бы её выдержку. Я чувствую, как взмокли наши соединённые ладони. «Вот так мы здесь и погибнем оба. Найдут ли наши кости в этих густых джунглях? Да и станет ли кто-то нас здесь искать?»

Хищник яростно рычит, слегка подаваясь вперёд. Тусклый свет, пробивающийся сквозь кроны, вырисовывает силуэт крупного животного, похожего скорее на ягуара. Убежать от такого практически невозможно.

Хищник прижимается к земле, и я понимаю, что он готовится наброситься на одного из нас. Раварта резко выскакивает вперёд и, вскрикнув, швыряет в хищника плод. Снаряд попадает ему прямо между глаз. Животное бешено мотает головой, не понимая, что происходит. Не теряя времени, Раварта достаёт крепкие плоды один за другим и продолжает забрасывать ими хищника.

Рык стихает, сменяясь фырканьем, и ягуар прячется в кустах.

— Бежим! — кричит она и, дёрнув меня за рубашку, несётся вперёд.

Я стараюсь не отставать. В беге она — настоящая королева. Мы бежим минут десять, когда я понимаю, что в правом боку колет слишком сильно, чтобы поддерживать такой темп.

— Рав, давай чуть помедленнее, — умоляю я.

— Ладно, — почти сердито отвечает она. — Осталось ещё пару минут.

Мы переходим на полубег. Я мысленно ругаю свою печень. За спиной, метрах в двадцати, снова раздаётся треск. Шорохи быстро приближаются.

— Он бежит по нашим следам! — кричу я.

Схватившись за бок, что есть мочи мчусь вперёд, даже немного обогнав Раварту.

— Трэй, нужен огонь! — кричит Раварта мне в спину.

Наш дом-шалаш уже близко. Раварта почти догнала меня, я слышу её дыхание. Яростный рык заставляет нас ещё ускориться. Мы вваливаемся в шалаш. Я резко сдвигаю ветки, чтобы закрыть проход. Громкое сопение и фырканье доносятся снаружи. Пока я сторожу вход, Раварта копается у задней стенки в поисках зажигалки, которую мы тоже прихватили из грузового отсека шаттла.

Звуки снаружи стихают. Я стараюсь не глотать и дышать как можно тише. Днём сквозь сплетённые ветки ещё можно было бы разглядеть силуэт хищника, но в кромешной тьме совсем ничего не видно. Тишина подозрительна. Ягуар — или кто бы там ни был — знает, что мы внутри. Кошка может часами стеречь мышиное гнездо, пока из него не высунется голова добычи. На что способен этот хищник, можно только гадать.

— Думаешь, он ушёл? — полушёпотом спрашиваю я Раварту, которая всё ещё перебирает травяную подстилку.

— Не уверена, — она отрывается от занятия, её глаза нервно бегают из стороны в сторону.

Я хочу придвинуться к любимой чуть ближе, как в эту же секунду между веток просовывается пасть с обнажёнными клыками. Раварта визжит, я сам вскрикиваю. Внезапная вспышка света — глаза слепнут. И я только успеваю заметить, как Раварта тычет горящей соломой в морду ягуару, затем отталкивает меня и быстро выбирается наружу. Не успевая проморгаться, ползу за ней.

— Иди сюда, кошачья морда! Мамочка даст тебе огонька! — доносится снаружи крик Раварты.

Я вижу, как хищник пятится от пламени. Ныряю обратно в шалаш, лихорадочно хватаю охапку подсохших стеблей и бегу к Раварте. Подношу солому к её импровизированному факелу и зажигаю уже целый сноп, который сам несётся навстречу хищнику, превращаясь в ревущее огненное пятно.

Хищник, трусливо поджимая хвост, исчезает в зарослях. Мы оба стоим, ошарашенные произошедшим. Тяжело дышим, тревожно поглядывая друг на друга. Мы чудом не пострадали, но зато получили хороший урок. Разбросанные вокруг остатки соломы дотлевают красными полосками.

— Давай разведём костёр, — предлагаю я.

— Да, придётся, — соглашается она.

Я быстро собираю охапку сухих веток. Через десять минут у нас уже гудит полноценный костёр. Мы сидим, прижавшись друг к дружке. Ночь сегодня прохладная, и огонь очень кстати.

— Давай по очереди дежурить.

— Да, сама хотела предложить. Я с ног валюсь.

Раварта кладёт голову мне на колени, закрывает глаза и почти мгновенно засыпает. Я аккуратно поправляю её волосы. Глядя на спящую Раварту, я ощущаю такую волну любви, что она почти вытесняет страх. Я вдруг вспоминаю какую-то дурацкую теорию о том, что экстремальный стресс усиливает притяжение между партнёрами. Неважно. Не хочу искать рациональное объяснение. Я просто люблю её, сейчас — сильнее, чем когда-либо, и это не зависит от обстоятельств. Мне нравится погружать пальцы в её роскошные волосы. И хотя сейчас они не выглядят такими — мы два месяца не мыли голову с мылом, — я знаю, какие волосы у неё на самом деле. Наверное, я бы даже любил её лысой. Я представляю Раварту без волос, и у меня вырывается короткий нервный смешок. Едва успеваю прикрыть рот кулаком, чтобы её не разбудить.

Она спит крепко — видно, сильно устала. Сон её настолько глубок, что она, кажется, совсем не мучается кошмарами. Думаю, запись биоритмов её мозга можно использовать в качестве наглядного пособия, иллюстрирующего идеальное чередование стадий сна.

Шорох в стороне заставляет меня отвлечься от этих бестолковых мирных мыслей. Из-за треска пылающих веток трудно разобрать, откуда именно доносятся звуки. Я напряжённо верчу головой и понимаю: шорохи раздаются сразу с нескольких сторон небольшой поляны. «Что там ещё, чёрт побери?» В ответ слышу знакомое рычание, фырканье и пронзительный визг. Какая-то возня в кустах слева от меня, дикий рёв. А затем из темноты появляются они…

Несколько пар жёлтых глаз перемещаются по дуге. Ягуар привёл своих сородичей на охоту. Отсюда плохо видно, но я знаю, что они сейчас хищно скалятся. Я знаю, что они не подойдут, потому что боятся огня, но зрелище всё равно жутковатое. Сердце бешено стучит по рёбрам. Я стараюсь себя успокоить, чтобы не дёргаться и не разбудить Раварту.

В зоопарке я видел только пуму и рысь, о ягуарах лишь немного читал. Вроде, когда-то их всех истребили. Значит, на острове есть и условно вымершие виды. Странно, что ягуаров несколько — они вроде как охотники-одиночки, если верить моим знаниям из общих курсов по

биоразнообразию. Может, это какие-то генномодифицированные ягуары? В голове всплывает образ хищных медвемуравьедов. От одного воспоминания о них меня передёргивает.

Пять или шесть пар хищных глаз собрались рядом и замерли в ожидании.

Я быстро вытаскиваю пылающую головешку из костра и швыряю её в сторону хищников. Раздаётся протяжный рёв — видимо, попал в одного — и светящиеся глаза разлетаются в разные стороны. Вижу, как на месте падения вспыхивает листва, но тут же быстро гаснет. Лес влажен. Некоторое время слышны шорохи, которые быстро стихают. Сегодня мы дали отпор.

Спустя пару часов меня непреодолимо начинает клонить в сон. Ещё темно, поэтому я бужу Раварту, коротко пересказываю случившееся и прошу посторожить. Она хмурится, но старается держаться ровно и спокойно. Я подбрасываю в костёр ещё веток и сразу же вырубаюсь, распластавшись рядом с ней.

Сплю тревожно, постоянно ворочаюсь. Во сне вижу Никсу: она совсем исхудала, её тонкие бледные руки кажутся почти костлявыми. Она стоит в длинном больничном коридоре и тянет руки ко мне, что-то шепчет, отчаянно и жалобно. Я переспрашиваю, но разобрать её слов не могу. Я продолжаю спрашивать, но по-прежнему не понимаю, что ей нужно. А потом словно кто-то невидимый толкает её в бок, она падает и с глухим стуком ударяется об стену. Я просыпаюсь. Весь мокрый от пота. Светает.

— Опять кошмар? — встревоженно спрашивает Раварта.

— Да, немного…

— Вода и мыльный пузырь? — будто со знанием дела уточняет она.

— Нет, сестра…

Раварта понимающе кивает, протягивает руку и вытирает пот с моего лба.

— Спасибо… Как ты?

— Да, ничего. Вроде всё тихо.

Я усаживаюсь и какое-то время пытаюсь прийти в себя. Стараюсь не думать об увиденном во сне. Мы договорились с Равартой, что не будем вспоминать погибших на этой гребаной войне за свободу. Одно дело — договориться на словах, другое — договориться со своим мозгом. Психика, как вода, всегда найдёт малейшую лазейку, чтобы протиснуться и выплеснуть наружу самые гадкие, тёмные, жестокие вещи.

Я признаюсь себе, что невыносимо скучаю по Никсе. Она была смыслом моего существования в центре Мингалоса. Теперь этот смысл у меня отняли. Виноват в этом президент Рид. И он поплатится. Мы готовы с Равартой отдать за это жизнь. Я кидаю на неё взгляд, полный отчаяния. Она ловит его, но тут же отворачивается. Возможно, она даже догадалась, о чём я думаю.

— Надо убираться отсюда, — внезапно произносит она.

— Куда? — спрашиваю я, вяло поднимаясь на ноги.

— На берег, ближе к шаттлу.

— Может, сразу вернёмся в Мингалос?! — с вызовом вырывается у меня.

— Трэй, угомонись, — твёрдо говорит она и встаёт.

— А что? Там-то ягуаров нет. Только буйволы-досмотрщики да дроиды-патрульные.

— Трэй! — её голос срывается на крик.

— Мы же так мечтали сбежать оттуда! Это же был твой план! — Я с силой пинаю тлеющие головешки, и россыпь алых, словно кровь, искр разлетается вокруг, точно сумасшедшие мотыльки.

— Нет, Трэй, это наш план! — Она отшатывается, уклоняясь от обжигающей россыпи. — Мы оба пошли на это добровольно.

— Но не все заплатили за это одинаковую цену, чтобы так вот легкомысленно…

— Да, не все потеряли близких, — резко обрывает она. — Но кто знает, жив ли сейчас Тод и другие члены «Плодородия»!

— Если твой Тод такой герой, почему его здесь нет? Мы ведь из-за него бежали из города!

— Трэй, мы покинули город, потому что там стало небезопасно для всех нас. А стало небезопасно, потому что ты, одержимый, решил спасти сестру.

— Не смей так говорить! — Мой крик переходит в яростный рёв. Я снова пинаю костёр. Искры взметаются в воздух, обжигают мне руку, но я даже не чувствую боли. — Я мог спасти сестру и без вас! Я поверил вам и… потерял её.

— Никто в этом не виноват. Ты же понимаешь, это война…

И тут меня прошибает неконтролируемая ярость. Я теряю контроль. Рывком набрасываюсь на Раварту, пригвождая её к земле и вцепляясь пальцами в горло. Её выпученные глаза, полные чистого ужаса, смотрят прямо в мои. Я не чувствую ни малейшей жалости. Как она смеет так рассуждать? Она заслуживает смерти.

— Трэ…й, — сипло выдыхает она, судорожно дёргаясь.

Я усиливаю хватку. Задушу ли? Кто будет искать её в этой глуши? Полминуты безумия — и внезапно горячий, обжигающий удар обрушивается на мою шею. Руки разжимаются сами собой. Раварта успела схватить тлеющую головешку и изо всех сил огреть меня ею.

Словно вынырнув из тёмной холодной воды, я с трудом прихожу в себя.

Раварта, тяжело дыша, отползает. Каждый глоток даётся ей с трудом. Я делаю движение к ней, чтобы извиниться, чтобы успокоить её, но она продолжает пятиться, как от дикого зверя.

— Не двигайся, — шипит она.

— Рав… Прости. Я… я не хочу… Сам не понимаю, что на меня находит…

— Заткнись, придурок! — Голос Раварты хрипит, как разбитое стекло. Она отползает ещё дальше, прижимаясь спиной к толстому стволу дерева. Её обожжённая рука инстинктивно ищет облегчения в прохладной влажной опавшей листве. Я вижу, как её лицо перекашивается от боли и ярости. Она в бешенстве, дико зла и — что страшнее — боится меня. Сейчас лучше её не трогать, не дёргать. Чёрт, что я за доисторическое животное? Неужели во мне просыпается что-то первобытное? Я люблю её. Как после такого я смогу смотреть ей в глаза? Как она вообще сможет мне доверять? И главное — как нам дальше доверять друг другу?

— Мне надо развеяться, — сдавленным голосом сипит Раварта, едва поднявшись на ноги.

Я пожимаю плечами. Она пятится, не спуская с меня глаз, и, неестественно шатаясь, уходит вглубь чащи.

Некоторое время я сижу на земле в состоянии ступора. Лишь тихий ветер треплет листву деревьев над головой. Так проходит час или два. «Может, произошедшее мне приснилось?»

Вспоминаю, что Раварта предложила перебраться к берегу. Поспешно подбрасываю в костёр несколько сухих веток. День уже вступает в свои права, и хищники вряд ли осмелятся подойти, но перестраховаться не мешает. А с чего я вообще взял, что ягуары не охотятся днём? Эта мысль пронзает меня тревожным холодом.

Вытаскиваю наши скудные пожитки из шалаша и в одиночку несу их к берегу. Затем принимаюсь разбирать наше временное убежище, таща ветки и подстилки по частям. Приходится совершить несколько изнурительных ходок. Когда я возвращаюсь в очередной раз за последней охапкой веток, Раварты нигде нет. Я понимаю, что ей нужно время, чтобы прийти в себя, но внутри всё обрывается. Паника. Где она? Неужели хищники? Всю дорогу к берегу я кляну себя за то, что позволил животному гневу взять верх.

Дохожу до прибрежной зоны. Здесь никого нет. У моря сегодня лёгкий приступ эпилепсии. Полоски густой пены бьются о влажный песок. Солнце испуганно прячется за плотной стеной серых облаков.

Бросаю охапку веток рядом с остальными вещами, снимаю стоптанные кеды. Холодная пена приятно обдаёт ступни. Я поднимаю руки, скрещиваю пальцы на затылке, подставляя лицо прохладному резкому бризу. На мгновение пытаюсь выкинуть из головы тревогу о

Раварте. Несколько минут в этом потоке морской свежести — и я заставляю себя заняться сборкой шалаша.

Работа занимает у меня чуть больше трёх часов. Начинает стремительно темнеть, а Раварты всё нет. Беспокойство становится серьёзнее — оно давит на грудь. Чёрт. Я ведь едва не убил её. Это не повод исчезать, но… может, она действительно считает меня социально опасным типом? От этой мысли живот сводит судорогой.

Я мечу взгляд в сторону водного шаттла, который кое-как пришвартован всего в сорока метрах отсюда. Может, она там? Нервно сжимая кулаки, я почти бегом преодолеваю расстояние. Обыскиваю кабину, проверяю даже крошечный грузовой отсек — вряд ли она стала бы там прятаться, но надежда умирает последней. Никаких следов. Чёрт! Чёрт! Чёрт! Я идиот.

Внутри меня теперь борются два монстра: обида и острая вина. Обида не отпускает — я всё ещё злюсь на Раварту за то, как холодно она говорила о потере моей сестры. Но вина сильнее: я не имею права так реагировать. Я ведь действительно мог убить её в том приступе слепой ярости.

— Раварта! — кричу я во весь голос, резко разворачиваясь к прибрежным кустарникам. — Где ты?! Отзовись!

Ответ — оглушающая тишина. Нет ни единого намёка на её присутствие. Остров не маленький, она может быть где угодно. Я бреду, спотыкаясь, вдоль берега, снова и снова выкрикивая её имя. Хожу ещё несколько часов, пока мир вокруг окончательно не утонет в темноте.

«Она действительно испугалась, — пытаюсь убедить себя. — Ей тяжело, и ей просто хочется побыть одной. Она знает, где я. Значит, она вернётся». С этими слабыми доводами я залезаю в шалаш.

Моё запястье холодит серебряный браслет, её подарок. Я сжимаю его до боли, чувствуя, как эта крохотная частичка нашей связи остаётся со мной.

В животе беспокойно урчит, голова тяжелеет. Я сегодня почти не спал и ничего не ел. Придётся ложиться голодным. Надеюсь, она нашла, что поесть. Чёрт! Я ложусь и закрываю глаза. Пытаюсь пристроить голову, но найти удобное положение не удаётся.

Снаружи, совсем рядом, плещется море, разбивая о песок полосы густой пены. Уснуть невозможно. Все мысли — только о ней. Внезапно меня пронзает ужасное осознание: сегодня со мной произошло дежавю, вывернутое наизнанку. В тот момент, когда мои руки сомкнулись на шее Раварты, я видел в её налитых кровью глазах самого себя — того ребёнка, которого однажды душил мой отчим, Дэйв. Неужели мы так слепо повторяем паттерны поведения взрослых, стоит лишь потерять контроль? Мне хочется дико выругаться на себя. На глаза наворачиваются слёзы. Это, наверное, от жалости к себе. Да, люди часто плачут от жалости к себе. Я жалок, как никогда.

Я ворочаюсь, но заснуть не могу. Вдруг я резко подрываюсь, прислушиваясь к шорохам снаружи. Мне слышится, будто кто-то тяжело шлёпает мокрыми ногами по влажному песку. Я выбираюсь из шалаша, зябко ёжась. Никого. Холодно. Понимаю, что нужно развести костёр. Снова ныряю в шалаш, ищу зажигалку. Её нет. Вероятно, Раварта забрала её с собой.

Я снова выползаю наружу, кручу головой, ища дым — вдруг она разожгла костёр, чтобы согреться? Вокруг нет ничего, кроме темноты, сырости и холода.

Да, возможно, она уже далеко, на другом конце острова. Понурый, я возвращаюсь, отгоняя мысли о хищных ягуарах. Ложусь, успокаивая себя мыслью: у неё есть зажигалка, и она не замёрзнет. Как коварна наша психика! Она легко тревожится по пустякам и так же легко успокаивается, стоит лишь отыскать мнимое оправдание или усыпляющее бдительность подтверждение догадкам. Веки с болезненной тяжестью смыкаются. Я отключаюсь.

Меня будит ощущение, будто кто-то ритмично стучит холодным пальцем мне по лбу. Я продираю глаза и понимаю: крыша шалаша протекает. Сквозь щели снаружи видна плотная стена ливня. Дожди здесь, к счастью, относительно тёплые, не такие промозглые, как на окра-

инах Мингалоса. Некоторое время я прихожу в себя, вспоминая, что случилось вчера. Меня тут же охватывает тревога. «Надо искать Раварту».

Желудок нещадно переваривает сам себя. Я стараюсь игнорировать эту боль. Снимаю рубашку — она уже изрядно вымокла. Сую ноги в кеды: в них будет сподручнее идти по влажной лесной подстилке. Направляюсь к скалистому ущелью, там пью ледяную воду из ручья и продолжаю путь по знакомой тропе.

На месте нашего первого лагеря пусто. Иду к остаткам от лабораторного комплекса. Там тоже никого. Сквозь щербатые осколки стёкол с завыванием прорывается ветер. Оглядываюсь. Когда-то здесь кипела жизнь. Что они тут делали? И куда исчезли?

Паника нарастает. Я прочёсываю несколько квадратных километров, пока, наконец, не замечаю свежие следы на одной из троп, которые мы проложили сами. Дождь, кажется, сегодня мне союзник. Почва разбухла, и следы видны отчётливо, проступая даже сквозь подстилку из полусгнивших листьев.

— Раварта! Где ты?! — кричу, стоя посреди влажной лесной чащи.

С верхней ветки прямо над головой срывается крупная птица, хлопая крыльями. Я вздрагиваю. Громко ругаюсь, чтобы снять нарастающее напряжение, и следую дальше по следам.

— Рав! — снова кричу я, отводя в сторону хлёсткую мокрую ветку.

Я иду по следам, а жирная разбухшая биомасса звонко хлюпает под ногами. Впереди крутой уклон, и шагать становится всё сложнее. Я решаю взобраться на гору, чтобы с высоты высмотреть дым костра или другие признаки её присутствия. Ноги сильно скользят. Я падаю, неудачно приземляюсь и тут же обдираю локоть о камень.

Через полчаса подъёма я добираюсь до скалистого уступа, где мы часто сидим вместе. Отсюда открывается великолепный вид на прибрежную зону и бухту. Сейчас здесь мокро и тоскливо. Я вспоминаю, как дарил ей тут букет из белых и нежно-розовых цветков и шептал, что люблю.

Некоторое время смотрю на бухту. Дождь постепенно стихает, но с моих ресниц всё ещё обильно стекают крупные капли пресной воды. Я глотаю эти горошинки, и они словно проясняют сознание. Я закрываю глаза и стою так, может быть, десять, а может, все двадцать минут. Дождь почти сходит на нет. Открываю глаза, уже собираюсь спускаться, когда замечаю тонкий столбик бледного дыма у подножия соседней горы — чуть ниже того места, где стою я.

Дым поднимается над макушками густых зарослей, обступающих склон. Я мчусь туда. Поскальзываюсь, плюхаюсь на бок и проезжаю несколько метров по грязи. Кое-как отряхиваюсь и тут же ловлю себя на мысли, что видок у меня, мягко говоря, жалкий: на заметно исхудавших, почти костлявых ногах болтаются поношенные мокрые брюки, грязные кеды, и вдобавок — бледный обнажённый торс, запачканный серой лесной жижей. Раварта точно от меня шарахнется.

Я спускаюсь по склону, продираюсь сквозь деревья. Свежая сломанная ветвь подсказывает: Раварта недавно была здесь. Решаю её не пугать своим топотом. Иду тихо, почти крадучись, но кеды предательски выдают меня, булькая и чавкая в жирной грязи.

Через сотню метров я слышу треск костра. Он ещё далеко, но меня с пяток до макушки обдаёт приятным жаром — я не понимаю, от чего больше: от воображаемого пламени или от осознания скорой встречи. Медленно, осторожно продираюсь сквозь густые заросли. В ноздри потихоньку забиваются едкие частицы дыма. Хочется чихнуть, но я сдерживаюсь. Наконец я добираюсь до этого заветного огня.

Уже понемногу смеркается, но ещё достаточно светло, чтобы видеть картину целиком. Раварта сидит на куче из листьев, прислонившись к стволу дерева. Искажённый свет языков пламени отбрасывает странные ломаные тени на её лице, и от этого Раварта кажется старше. Передо мной не молодая девушка, а измождённая, измученная жизнью женщина. Что эта война с Корпорацией уже успела с нами сделать? Ведь мы едва начали.

Я осторожно выхожу к огню. Стою немного сбоку, поэтому она не сразу меня замечает.

— Привет, брусничка, — шепчу я, и это ласковое имя кажется чужим здесь. Почему я вспомнил его именно сейчас? Последний раз я назвал её так, когда мы были в Мингалосе.

Она медленно поворачивает ко мне болезненно бледное лицо. Кажется, она тоже почти ничего не ела и не пила. Моё сердце сжимается.

— Привет, — отвечает она тихим измученным голосом. На её губах проступает едва уловимая слабая улыбка.

«Слава богу, что она никуда от меня не убегает».

Я осторожно присаживаюсь рядом, стараясь не нарушать границу её личного пространства. Замечаю: рука, лежащая на правом колене, перемотана длинными, незнакомыми мне листьями. Наверное, это примочка от ожога. Я здесь не знаю ни трав, ни деревьев. Как Раварта это сделала? Сорвала наугад? Мне становится не по себе: она страдает из-за моей вспышки ярости.

— Прости, я не хотел, — слова срываются, я жажду примирения. — Я не специально. «Тьфу. Что за жалкая школьная отмазка?»

Я решаю замолчать. Наши взгляды встречаются, и я смотрю на неё с мольбой и надеждой.

— Ничего, — отвечает она. — Я уже почти забыла.

— Ты серьёзно? — От облегчения я снова произношу что-то нелепое.

Она кивает и переводит взгляд на костёр. На её лице снова пляшут странные тени, но сейчас я вижу лишь чистую природную красоту. Она кажется лесной феей, прилетевшей на тепло огня.

— Я рад, что ты не забыла взять зажигалку, — говорю я.

— Извини, что увела её у тебя из-под носа, — она вновь слегка улыбается. — Но мне нужно было время побыть одной.

Минуту или две мы молчим. Эта тишина даже немного уютная. Такая случается только между теми, кто ты по-настоящему близок. Я словно ощущаю её тепло.

— Знаешь, я много думала, пока была одна… — Она запрокидывает голову, и волосы веером разлетаются по мокрому стволу дерева. — Я всегда смотрела на Тода и представляла, что мой парень, наверное, будет похож на него. Сильный, смелый, всегда готовый помочь. Он никогда не жаловался. Если мне нужна была помощь, он спокойно её предлагал или делал всё, что в его силах, даже не спрашивая. Я видела в нём воплощение мужественности и выносливости. Интуитивно я искала того, кто мог бы его заменить. Но потом я увидела тебя и поняла, что мне нужен совсем другой.

Она замолкает, поворачивает голову в мою сторону, словно ожидая реакции. Я лишь кошусь на неё, но молчу. Не совсем понимаю, к чему она клонит, но догадываюсь, что она явно не считает меня таким же крутым, как Тода. Эта догадка неприятно колет.

— Пойми меня правильно, — продолжает она. — Я не хочу вас сравнивать. Просто ты… какой-то совсем нестандартный, эм… необычный, что ли…

— Это плохо? — не выдерживаю я, прерывая её.

— Что? — переспрашивает она, словно не расслышала вопроса.

— Это плохо, что я нестандартный?

— Да нет… Просто я, видимо, сама не знала, чего хотела.

Она тянется здоровой рукой к сырой головешке и бросает её прямо в сердце кострища. Из пламени вырываются снопы искр и кружат в диковинном ярком танце.

— Мама Катерины, моей одноклассницы, как-то сказала мне, что раньше девочки играли в куклы, но теперь их нигде не достать, — Раварта вновь прислоняется затылком к дереву и продолжает. — Так они учились ухаживать за будущими детьми. Тогда я совершенно не понимала, зачем мне эти куклы. У Тода были метательные ножи. А ещё мы строили кораблики, сколачивая их из старых досок, найденных на заброшенной пилораме. Мы спускали их

на ручей, который весной разливался так сильно, что затапливал мостки с насосами. Ручей впадал в небольшой, но глубокий пруд. Мы соревновались с Тодом, чьё судно окажется лучше. Побеждал тот, чей корабль первым пройдёт над всеми мостками и доберётся до пруда.

Она улыбается. Жёлтые отблески пламени пляшут на мокром стволе прямо над её головой.

— Мне было, наверное, лет семь, когда однажды весной я решила в одиночку испытать наш новый кораблик. Сначала всё шло хорошо. Течение было несильным, но он быстро прошёл шесть мостков. На седьмом кораблик зацепился торчащим гвоздём за насос. Я подтолкнула его палкой, и он поплыл дальше. Мостки закончились, но на выходе из ручья оказалась запруда из опавших веток. Кораблик застрял, и его начало относить к противоположному берегу. Я попыталась подтянуть его палкой, но ничего не вышло. Я стояла почти у самого места, где ручей переходил в пруд. Я попробовала подцепить его ещё раз, но не заметила, как левая нога начала соскальзывать с глинистого берега. Меня потянуло вниз, и я с громким плеском шлёпнулась в воду — прямо туда, где уже глубоко. Плавать я тогда ещё не умела, да и сейчас почти не умею. Ледяная вода обжигала, сковывая руки и ноги. Вместо криков из горла вырывалось только бульканье. Вода была слишком холодная. Руки моментально ослабли, и меня потянуло на дно. Вокруг только коричневая торфяная вода с поднимающимися жёлтыми пузырями. Я тогда подумала, что это конец. Хотела заплакать, но вода затекла в рот. В этот момент кто-то схватил меня за волосы и резко выдернул наружу.

— Это был Тод! — внезапно выкрикиваю я, обрывая её рассказ.

Она резко поворачивает ко мне голову, смотрит так, словно я только что насильно вернул её из другой реальности. Повисает плотная тишина, которую нарушает лишь треск догорающего костра и приглушённый стук капель, скатывающихся с листьев на размокшую почву.

— Да, это был Тод, — тихо подтверждает она, вновь отворачиваясь. — Он вытащил меня на берег, уложил на бок и помог избавиться от воды в лёгких. Опоздай он минут на пять, меня бы сейчас здесь не было.

Слушая её, я вдруг вижу не маленькую Раварту, а Никсу. Сестра словно актриса, разыгрывающая чужую жизнь. В отличие от Тода, я не успел спасти Никсу. Я отгоняю тяжёлые мысли о ней. Сестра навсегда останется со мной, но сейчас не время думать о том страшном дне.

— Я думала, он станет кричать, но он тогда ничего не сказал, — продолжает она чуть тише. — Даже отцу не проговорился. Я смотрю на него как на настоящего героя своей скудной, но опасной жизни.

— Да, тебе повезло с братом! — резюмирую я, пытаясь уложить в голове услышанное. Для меня Тод — всё ещё грубый, неотёсанный здоровяк. А тут, оказывается, он не только спас жизнь моей любимой, но и с юных лет был невероятно рассудительным.

Холодает. Раварта зябко подтягивает к себе оголённые коленки. От сырых веток у костра поднимаются и тают в воздухе струйки пара. Они возносятся вверх, где холодный сырой воздух мгновенно разрывает их на невидимые капли.

Я выдыхаю. Клубы пара вырываются наружу, оставляя на губах тёплую влагу. Замечаю, что Раварта наблюдает за мной. Она сначала морщится, а потом начинает тихо хихикать.

Её смех — хрупкий мостик к примирению. Я начинаю осторожно, медленно придвигаться к ней, ощущая, как мои мокрые штаны прилипают к жирной почве. Раварта перестаёт смеяться. Наши взгляды встречаются.

Её глаза — грустные, уставшие, но в них горит что-то особенное: та самая теплота, которая роднит и воссоединяет людей после ссоры. Она скрепляет тех, кто по-настоящему предан; ей не страшны ни катаклизмы, ни мили океанской глади. Это чистое, безымянное чувство, которое сильнее страха и вины. И причина ему — окситоцин.

«Какой к чёрту окситоцин. К чему он здесь?» — последнее, что мелькает в моей голове, когда наши губы соприкасаются. Ощущаю жар её дыхания.

Я крепко обнимаю её, стискивая талию. Она не сопротивляется; напротив, подаётся ко мне. По венам разливается обжигающий огонь, а внизу живота разгорается неожиданный дикий пыл. Мы сливаемся, словно два сгустка пламени, не в силах разомкнуть объятия. Мы пачкаем друг друга влажной живой грязью — не синтетикой Корпорации, а истинной почвой, рождённой самой Землёй. Мы ныряем в лоно этой первозданной стихии. Теперь мы едины с ней, с природой, и никто не осмелится отнять у нас эту связь, это право быть её частью. Мы и есть сама природа.

Глава 2

Яркие лучи пытаются пробиться сквозь сомкнутые веки, и это заставляет меня разлепить глаза. В костре ещё мерно тлеют угли. Воздух свеж и по-утреннему прохладен. Раварта спит крепким сном, прижавшись ко мне и положив голову на плечо. Высвобождаюсь из её объятий аккуратно, чтобы не разбудить. Она чуть ворочается, пытаясь сквозь остатки дремоты удобнее пристроить голову на импровизированной подушке из веток и листьев. Сижу несколько минут, наблюдая, как она вновь погружается в тишину сна. Думаю, у меня есть ещё часа два, чтобы наловить рыбы и приготовить сытный завтрак.

Спешу к побережью, где я припрятал две самодельные удочки. В грузовом отсеке шаттла я нашёл небольшой кусок проволоки и изготовил из него крючки. Обычно в качестве приманки я использую слизняков — их здесь навалом под каждым листом. Особенно много их вдоль ручья у самого подножия большой горы.

Утром ловится лучше всего. Вода спокойна и прозрачна. К вечеру нередко прибивает целые тонны конфетти из бурых водорослей. Словно на торжествах в парадных залах Корпорации, только здесь не воздух, а вода усыпана кусочками плоских листиков. Из-за них совсем не видно дна.

Сейчас — совсем другое дело. Видна каждая песчинка и, увы, все «мины» — морские ежи. Раварта как-то наступила на одного из них месяца полтора назад. Хромала потом больше недели. Хорошо, что обошлось без воспаления. С тех пор она в воду вообще ни ногой. И за меня вдвойне переживает.

Полтора часа уходит, чтобы насобирать слизняков и выловить целых восемь крупных златобрюхих рыб. Не знаю, как они называются, но на вкус очень даже хороши. Раварта оценила их сразу. Связываю улов лианой и несу к нашему временному убежищу под деревом рядом с кострищем.

Раварта ещё спит, она свернулась калачиком, уткнувшись носом в ворох пожухлой листвы. Повсюду щебечут птицы, надрывно стрекочут насекомые. Мир вокруг звенит, стараясь разбудить мою возлюбленную, но она, кажется, действительно измотана. Ей необходима эта порция сна. А ещё — сытный завтрак, когда проснётся.

Раздуваю пламя из тлеющих угольков. Устанавливаю жерди из палок рядом с костром — как когда-то учил меня дед. Развешиваю над жаром четыре тушки.

Жир плавится, стекая по блестящей чешуе прямо в огонь, где его с треском поглощают языки оранжево-жёлтого пламени. На манящий аромат жареной рыбы желудок тут же отзывается требовательным урчанием.

Раварта ворочается на настиле. Я сажусь у костра и начинаю тихонько насвистывать мелодию, которую иногда слышал от деда, когда тот увлекался поиском очередного редкого корешка. Бывало, усядется он возле полугнилого пня, перебирает мох, а губы сами собой складываются в тонкую трубочку. Что это за мелодия? Где он её слышал? Я ведь тогда так ни разу и не спросил. Наверное, просто было не до того.

Раварта приподнимается на локте, и её глаза, ещё сонные, улыбаются мне.

— Доброе утро. Ты почти к завтраку, — прекращаю насвистывать и, поднявшись на ноги, приветствую её.

— Доброе утро, Трэй, — отвечает она.

Усаживаюсь рядом с ней, нежно целую и прижимаюсь к ней, слушая её ровное дыхание. Она гладит меня по спине. Солнце ещё не начало припекать, поэтому эти минуты покоя особенно приятны.

— Давай скорее позавтракаем и погуляем по острову, пока не очень жарко.

— С радостью! — Она быстро поднимается с настила и спешит к ближайшему кусту, чтобы освежить лицо капельками утренней росы.

Мы едим поспешно, словно нам снова предстоит долгий бег сквозь чащу. Я вспоминаю, что так быстро мы с ребятами ели только в школьной столовой, когда на обед отводилось меньше получаса. Мы давно так плотно не завтракали: кажется, словно живот перевешивает всё тело вперёд. Некоторое время мы сидим, давая желудкам справиться с обильной пищей.

Раварта поднимается первой, и я следую за ней. Мы идём вдоль подножия холмов, чтобы быстрее добраться до ручья у склона другой, более высокой горы. Некоторое время я просто иду следом, любуясь её грациозной походкой. Откуда в ней такая уверенность? Когда мы перешагиваем высохшую канавку, я выхожу вперёд, чтобы расчистить дорогу.

Высохшие за ночь брюки немного сели, и теперь прохладные, сырые от росы листья и травинки щекочут мои обнажённые щиколотки. Я замечаю, как по длинному, изогнутому к земле стеблю ползёт божья коровка. Только она не оранжевая с чёрными пятнышками, как в наших краях, а лимонно-жёлтая в светло-коричневую крапинку.

Осторожно срываю стебель.

— Что там? — удивлённо спрашивает Раварта.

— Смотри, какая! — Я подношу к её лицу почти доползшую до кончика стебля божью коровку.

— Ах, святой жук! — Она юлекторно отмахивается, и в тот же миг из-под жёстких надкрылий насекомого появляются два миниатюрных крылышка.

— Божья коровка, а не святой жук, — поправляю Раварту, улыбаясь.

— А… Точно. Ну, это ты силён в названиях, — она заинтересованно забирает у меня из рук стебель, чтобы рассмотреть насекомое поближе.

Свет утреннего солнца, проходя сквозь полупрозрачные крылышки-мембраны, расцвечивается множеством оттенков — почти как цветные проекции на стеклянном столике в моей корпоративной квартире.

— Осторожно, она может быть ядовита! — предупреждаю я.

Она коротко хмыкает, в её глазах мелькает насмешка.

— Я же не собираюсь её есть.

Раварта резко взмахивает стеблем, и божья коровка, вспорхнув, растворяется в воздухе.

Мы оба завороженно смотрим на точку, где она была только что. Пусть и с чужим окрасом, она всё равно кажется родной, напоминая нам об Аридафии.

— Всё-таки это странно, — нарушает тишину Раварта. — Вроде бы все они божьи коровки, но одни смертельно опасны, а другие — нет.

— Её ядовитость, кажется, зависит ещё и от того, чем питается само насекомое, — рассуждаю я вслух. — Конечно, для человека вряд ли она уж очень опасна… если нет аллергии.

— Ага, но это не делает живой мир менее причудливым, — кивает она, озвучивая свои мысли.

— Ты к чему клонишь?

— Природное не всегда означает безопасное.

— А, ну да, — соглашаюсь и киваю ей. — Пойдём дальше.

Я беру её за руку и коротко целую в лоб. Мы продолжаем путь к ручью. Солнце начинает ощутимо припекать наши затылки.

— Я вот одного не могу взять в толк — что мы здесь делаем? — спрашиваю я Раварту.

Она сидит на корточках, вытянув руки, и задумчиво пропускает ледяную воду сквозь пальцы.

— Если Митчел так много говорил об острове, значит, он действительно важен, — наконец отвечает она, словно возвращаясь из своих мыслей.

— И этот безопасник, Каверфол, тоже что-то знал про него. Но это ничего не доказывает. Может, это просто кусок владений Корпорации. И, наверное…

— И что с того? — перебивает она меня. — Да, скорее всего, так и есть. Здесь всё — владения Корпорации.

— И какой тогда был смысл сюда тащиться? — недоумеваю я.

— Смысл был в том, чтобы нас не убили. Каверфол оказался прав. Никто не станет искать нас здесь, на их же собственной территории.

— Не уверен, что всё настолько просто.

— Трэй, просто сейчас не думай об этом. Я уверена, Восстановители придут за нами. — Она кладёт одну руку мне на плечо, а другой, всё ещё перемотанной листьями, осторожно поправляет упавшие на лоб волосы.

— С чего ты так уверена? — Я накрываю её ладонь своей и заглядываю ей в глаза.

— Я не знаю… Я просто верю в своего брата. Он никогда меня не подводил.

На секунду я задумываюсь о том, насколько надёжен Тод.

— Слушай, мне кажется, мы упустили что-то важное про сам остров, — выдаю я решительно.

— Трэй, — она закатывает глаза, — мы уже исходили и излазали здесь каждый сантиметр. Может, тут что-то и было когда-то, но сейчас остров явно заброшен, он потому и считается законсервированным.

— Знаешь, мне кажется… — Я отрицательно качаю головой и затем оглядываюсь по сторонам. — Мне кажется, что мы всё-таки чего-то не сумели отыскать. Мы ведь так и не выяснили, что это за металлические конструкции с выбитыми стёклами, что за провода торчат из земли.

— И как ты собираешься это выяснить? — Она смотрит на меня скептически.

— Как минимум сходить туда ещё разок.

— А зачем? Мы там уже раз пять бывали. Там только ветер. Какой смысл туда снова идти?

— Потому что там…

— Слушай, — она резко перебивает меня. — Если хочешь — сходи туда ещё раз. Я не пойду. По-моему, нас просто попросили переждать здесь грозу.

Я невольно поднимаю глаза к небу, вглядываюсь в его синеву. До сих пор не могу привыкнуть, что небо бывает таким ярким и светлым. Правда, и настоящие грозы здесь тоже случаются.

— Надеюсь, твоя логика верна.

— Но должен же быть хоть какой-то смысл в нашем плане, — она пожимает плечами и тяжело выдыхает.

— А если его нет, этого смысла? — Я уже чувствую в себе кураж в намерении отыскать его.

— Тогда мы его придумаем. — Она игриво улыбается мне.

— Умеешь ты переводить разговор в другое русло! — Улыбаюсь ей в ответ.

Наши губы ненадолго встречаются.

— В конце концов, раз это остров биоконсервации и тут всё якобы первозданное — побудем Адамом и Евой, — заключает она.

— Раварта, что ты несёшь?! — Я начинаю хохотать.

Она тоже смеётся. Замечаю ямочки на её щеках, на которые раньше никогда не обращал внимания. Смотрю на них, и отчего-то мне становится ещё смешнее. Хотя где-то глубоко внутри меня гложет тревога. Я чувствую: этот остров чем-то ценен и для Корпорации, и для Восстановителей. Здесь скрыта загадка, и, возможно, не одна. Мне кажется, что часть ответов таится где-то на месте разрушенной лаборатории — или что это там было.

Мы пьём воду из ручья, а затем мчимся к берегу. Решаем, что переселяемся в прибрежную зону, туда, где уже стоит наш шалаш. Раварта собирает плоды, пока я перетаскиваю скудные остатки вещей из лесной чащи. Хоть сейчас и день, я веду себя предельно осторожно — хожу тихо, стараясь не издавать лишних звуков. Мне не хочется снова повстречаться с дикими хищниками. Обычно они охотятся ночью, но никогда не знаешь, кому из них вздумается пройтись днём по нашей тропе.

На берегу гораздо безопаснее. Рядом море, а хищники не умеют плавать. Кошачьи вообще не любят воду.

Вечером мы ложимся макушками друг к другу у костра и смотрим на звёзды. Едва слышно шелестят пенящиеся морские волны. Я сгибаю левую руку в локте и касаюсь кончиками пальцев её слегка волнистых локонов. Она вздрагивает. Я не вижу её лица, но мне кажется, что она улыбается.

Что это? Почему меня так к ней тянет? Какой биохимией, каким дофамином это можно объяснить?

— Мне очень спокойно с тобой, — внезапно произношу я.

Но она молчит. Быть может, она ещё взволнована после той ссоры или просто не знает, что сказать. Так мы лежим молча ещё около получаса, пока я не начинаю клевать носом. «Нужно подбросить ещё дров».

Я встаю и, еле передвигая ноги, тащусь к кучке сухих веток. Раварта уже уснула.

Глава 3

Следующие дни мы проводим так, словно оказались в Эдеме. Остров создан только для нас двоих. Так проходит неделя, за ней — другая. Погода устоялась. Днём солнечно, изредка под вечер случается совсем короткий, тёплый и приятный дождь.

Вечером, когда нет дождя, нам нравится приходить к высокому уступу и любоваться морем или океаном — мы так и не разобрались. Отсюда открывается вид на часть бухты и бескрайнюю морскую гладь. Слева возвышается верхушка горы, заросшая густой растительностью.

Сегодня солнце ласкает кроны, отчего в густых зелёных зарослях мерцают оранжевые огоньки. Серо-голубое полотно неба уже начинает краснеть там, где оно окунается в море. Косяк морских птиц стройной линией перемещается над горизонтом. Куда они держат путь? Ведь где-то там обязательно должна быть другая земля.

Мы держимся за руки. Я держу именно ту, что ещё недавно была обожжена, а теперь почти зажила. Нам хочется сохранить это место лишь для нас двоих, навсегда.

— Рав… э-э-э… я хочу тебе кое-что сказать, — я разворачиваю её к себе.

Её спутанные локоны стали жестковатыми, но у ветра хватает наглости и сил, чтобы небрежно колыхать их. Красный диск солнца отражается в её глазах, отчего они кажутся мне хрустальными.

— Ну чего? — она смеётся.

Мне кажется, я вновь готов ей признаться в чём-то особенном… Внутри колотится что-то, и это, наверное, моё сердце.

— Я хочу сказать, что… — Порыв ветра бросает волосы ей на лицо.

Я теряюсь. Мне ещё утром казалось, что это будет так просто. Да, казалось, просто: признаться в своих чувствах ещё раз. Просто сказать ей, как сильно я её люблю. Но вот здесь, сейчас, глядя ей в глаза, это невыносимо трудно. Даже хочется сбежать. Я ощущаю, как намокает моя ладонь. Может, я и взял её за руку, чтобы ненароком не смыться?

— Трэй, ну говори же, я тебя слушаю, — она убирает волосы, улыбаясь.

— Я просто хотел сказать, что счастлив с тобой, — только и удаётся выдавить мне. — Я счастлив, что мы здесь вдвоём. И только мы можем любоваться красотой этого острова.

— Ты такой романтик, Трэй, — её лицо становится серьёзным. — И я счастлива. Даже не знаю, как это описать. Мне никогда не было так хорошо с кем-то.

Внутри у меня всё будто сжалось. Мне кажется, что Раварта ждала от меня чего-то другого. Нет, наверное, это только кажется. Не предложение же руки и сердца она здесь от меня ожидала. *«Чёрт! Какая-то детская неловкость…»*

Мы целуемся. А потом ещё почти час наблюдаем за тем, как красный диск солнца медленно тонет в морских водах.

На следующий день, встав пораньше, я решаюсь вновь отправиться к останкам лаборатории. Мысли об этом месте не дают мне покоя. Я прихватываю с собой ломик и нож. Сегодня небо слегка затянуто рыхлыми облаками, отчего не так жарко, как в предыдущие дни. Последние недели дождей почти нет, только держится лёгкая облачность. Как далеко мы от Мингалоса? Должно быть, не одна тысяча километров. Бортовой компьютер шаттла не показал точного расстояния, надо будет поискать в памяти маршрутов.

С этими мыслями я поднимаюсь по склону. Издалека на меня свирепо скалятся всё те же, до боли знакомые, выбитые окна лабораторного комплекса. Отсюда открывается вид во все стороны света, но везде он словно сошёл с одной картины: голубая бескрайняя гладь океана, уводящая взор в далёкую полоску абсолютно ровного горизонта.

Бинокль бы, да помощнее. Если есть этот остров, то почему где-то нет ещё таких же островов? Неужели он настолько возвышается над остальной сушей? А может, это и не остров вовсе, а верхушка огромного континента? Вряд ли.

Я нахожу место, откуда торчат трубки с проводами. Некоторые выходят прямо из-под фундамента комплекса. Надо попробовать их откопать и посмотреть, что там, глубже. Интуиция кричит о том, что где-то здесь закопаны все ответы. Что такое интуиция? Лишь внезапное озарение, знание без знания того, откуда оно было получено. Насколько же людям в древности приходилось полагаться лишь на эту проклятую интуицию? У них не было ни биноклей, ни компьютеров, ни вышек связи, ни микроскопов. Только собственный мозг. Сейчас мы с Равартой похожи на тех дикарей из древности: у нас есть только мозг и его прогнозы — наши смутные, но многочисленные интуиции.

Я стараюсь аккуратно разбить ломом плотную породу. Часть трубок удаётся полностью откопать, но дальше — пустота. Наконец я обнаруживаю трубку, которая изгибается и уходит глубже в грунт. В этом месте он оказывается более рыхлым. В дело идёт нож, так удобнее. Камешки, клочья корней и лепёшки жирного грунта разлетаются в стороны. Я работаю всё стремительнее. Ничего! Изогнутый конец трубки заканчивается. Чёрт! Похоже, отсюда выкорчевали всё дочиста.

Раздосадованный, я с силой бросаю ломик в глубину только что выкопанной ямы. Меня ослепляет вспышка яркого электрического разряда. Я рефлекторно успеваю отскочить назад, когда ломик проносится в сантиметре от моего локтя. Это что ещё такое? Какого лешего?!

Лом дымится, его кончик раскалён, словно красный карлик. Я заглядываю внутрь ямы: край трубки обуглился, стенки опалены.

Я отползаю на метр, осторожно беру нож и бросаю его в яму. Вновь вспыхивает свет, рассыпаются искры, нож с оплавленной рукояткой вылетает обратно. Напряжение! Но откуда?

Вовремя я остановился. Решаю сегодня не идти к Раварте на обед. Срываюсь вниз по склону, чтобы найти крепкую ветку. Осторожно опускаю ободранную от листьев палку внутрь ямы и пытаюсь убрать ещё грунта. Как бы глубоко я ни копал её, — дальше лишь одна земля.

За этим занятием я провожу несколько часов, но всё напрасно. Пустота. Я не замечаю, как солнце опускается всё ниже и вокруг начинает темнеть. Яма уже настолько глубока, что я могу поместиться в ней практически полностью. Я осторожно просовываю голову внутрь, пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте. Вдруг что-то крепко хватает меня за край рубашки и резко вытаскивает назад.

— Ааа! — воплю я от неожиданности.

— Я думала, ты уже решил туда нырнуть? — смеётся Раварта.

— Чёрт! Нельзя же так пугать, Рав! — не могу прийти в себя я.

— Ладно тебе, кладоискатель! — Она продолжает улыбаться.

— Не смешно! Там, между прочим, смертельное напряжение! — обиженно отвечаю я.

— Что?!

— Да, да!

Глаза Раварты упираются в оплавленный нож.

— Это что за хрень?! — Её глаза расширяются от удивления, когда она рассматривает потёкшую рукоятку. — Может, он так на солнце оплавился?

— Ну-ну, — ухмыляюсь я. — Отойди-ка.

Я поднимаю ломик и забрасываю его внутрь. Всё повторяется. Раскалённый ломик взлетает вверх. Изумлению Раварты нет предела.

Солнечный диск наполовину закатился за горизонт. Пора спешить к нашему жилищу.

Всю обратную дорогу я пересказываю события, идеи и догадки сегодняшнего дня. Раварта молчит. Она серьёзно взволнована, и сгущающаяся темнота лишь подчёркивает бледность её лица.

— Это явно не провода под напряжением, они ведь обрезаны, — рассуждаю вслух, когда мы подходим к нашему дому-шалашу.

Раварта всё так же молчит, лишь слегка кивает. В унисон её кивку на берег набегает пенистая волна. Океан, кажется, сам затаил дыхание в ожидании разгадки.

— Это скорее похоже на поле, индукционный ток, — продолжаю я свои рассуждения.

— Наверное… — осторожно роняет она и тянет меня за рукав. — Надо бы тебе подкрепиться.

— Вообще, не очень хочется.

— Я понимаю, но силы нужны в любом случае. Мы же только в начале пути к разгадке, — она приобнимает меня и целует в щёку. Я улыбаюсь. На ужин сегодня печёные плоды и какие-то ракушки. Видимо, Раварта собрала их на берегу. В воду она вряд ли за ними полезла. Мы едим в шалаше при свете тлеющей лучины. *«Хорошо, что у нас есть зажигалка и огонь».*

— Если есть поле, то должен быть и генератор, — она словно выуживает идею из моей головы.

— Да, верно, только где он? — Я пытаюсь прожевать резиновое мясо моллюска.

— Наверное, где-то спрятан в глубине… зарыт, — она пожимает плечами.

— Значит, нужно копать дальше.

— Трэй, — на её лице появляется озабоченность. — Это может быть опасно. Кто знает, что там ещё зарыто?

— Я буду осторожен. Завтра продолжу.

— Я пойду с тобой! — Она словно подскакивает на месте.

— Зачем? Я справлюсь один.

— Нет, так будет быстрее.

— Раварта, я не могу тобой рисковать, — умоляюще смотрю ей в глаза.

— А я могу рисковать *тобой*?! — Она отстраняется, но глаза её широко распахнуты.

Тлеющий уголёк лучины мерцает оранжевыми искорками на радужке её глаз. Зачем она так упорно идёт наперекор мне?

— Давай завтра это обсудим.

— Я всё решила.

— Пора спать. Завтра много работы, — отрезаю я.

— Трэй, я серьёзно, — не отступает Раварта.

— Я устал, давай завтра, брусничка, — стараюсь звучать доброжелательно. Но внутри меня раздражает её упрямство.

Она едва заметно кивает. Но это не значит, что она отступила. Эта девушка так легко не сдаётся. Уж это я точно знаю.

Я пытаюсь уснуть. Во рту остаётся неприятный, солёно-йодистый привкус моллюсков, и я невольно вспоминаю еду из Мингалоса — она была явно вкуснее. Это ведь из-за неё мы здесь. Буду ли я счастлив, живя на этом острове и питаясь лишь тем, что даст море? Я поворачиваю голову, утыкаюсь лицом в волосы Раварты. Буду. Моё раздражение быстро стихает, и я проваливаюсь в спасительный сон.

Мы завтракаем внутри убежища. Раварта жуёт быстро, словно куда-то торопится.

— Ты чего? — с лёгкой улыбкой обращаюсь к ней.

— Сегодня много работы, — она поднимается с коленок, отряхивает руки.

— Ты всё-таки решила со мной? — осторожно интересуюсь я.

— Я тебе об этом ещё вчера говорила.

— Рав, это действительно опасно.

— Я знаю, поэтому идём вместе.

— Прекрасно! Помрём, значит, оба! — Досадное раздражение накрывает меня с головой.

— Значит, оба и помрём. Судьба, — она ухмыляется и вылезает наружу.

— Раварта, вернись, это же слишком серьёзно! — кричу я что есть силы.

Я выбираюсь из укрытия. Она смотрит куда-то вдаль, прислонив руку ко лбу. Мне хочется схватить её, с силой повалить на землю и привязать к дереву. Во мне словно просыпается дикий, первобытный зверь.

— Да что с тобой такое, Трэй? Ты аж побагровел. — Она поворачивается ко мне. — Я всего лишь побуду рядом, где-то подсоблю.

Внутри меня всё кипит. Мысленно я приказываю себе успокоиться. Я не могу допустить, чтобы повторился тот случай у костра. Но откуда-то изнутри всё ещё рвётся желание причинить ей боль: физическую, телесную, душевную — любую. Подчинить её себе, заставить страдать. Что со мной происходит? Неужели дикая природа пробудила во мне древние гены, и я начинаю сходить с ума?

— Ладно, ладно, — цежу я сквозь сжатые зубы. — Идём вместе. Но ты держишься от ямы на расстоянии не меньше двух метров.

— Я постараюсь, — ёрничает Раварта.

— Никаких «постараюсь». Как я сказал!! — взрываюсь я.

— Хорошо, хорошо, — испуганно смотрит на меня она. — Как скажешь.

Глубокий вдох, воздух словно заходит внутрь живота, считаю до пяти и выдыхаю. Надо активировать парасимпатический отдел нервной системы.

— Может, не сегодня? — осторожно спрашивает она.

— Нет, сегодня. Это нужно сделать как можно скорее, — стараюсь говорить настолько спокойно, насколько мне по силам.

Я понимаю, что с моей психикой что-то происходит, но не могу себе объяснить, что именно. Вчера вечером и сегодня дикая, почти животная ярость просыпалась во мне. Я никогда не испытывал ничего подобного. Может, это действительно стресс, паника и усталость так влияют на меня.

Мы тихо поднимаемся по холму. По дороге я резким движением лома срубаю несколько крупных веток. Ими мы сегодня и будем работать.

Я работаю один, не подпуская Раварту близко к яме. Я заточил палки ножом, но они быстро тупятся и ломаются.

— В следующий раз нужно брать другие ветки, — обращаюсь я к Раварте, вылезая из ямы и протягивая руку за следующей палкой.

— Да, у этих стебли рыхлые, нужны более плотные, древесные, такие, как у подножия второй горы.

Я киваю, соглашаясь с ней, и ныряю обратно. Через три часа работы мы делаем перерыв на обед и доедаем остатки вчерашних печёных плодов. Кажется, сегодня останемся без ужина.

— Уже больше трёх метров вглубь, а ничего… пусто, совершенно пусто, — с досадой говорю я, вытирая подбородок тыльной стороной ладони.

— Может, ещё с другой стороны попробовать? — предлагает она и протягивает руку, чтобы убрать остатки кожуры плода с уголка моего рта.

— Наверное, надо ещё с какой-то стороны подобраться.

К концу дня мои руки стёрты почти в кровь. Раварта обматывает мне кисти прохладными листьями. Становится чуть легче. После сделанного открытия останавливаться нельзя.

На следующий день мы составляем расписание: полдня работаем, полдня добываем пропитание. Мы идём к подножию второй горы и срубаем древесные ветки. Они рубятся тяжелее, но зато и продержатся дольше. Меня до сих пор удивляет, что на острове флора и фауна так сильно меняются от места к месту.

Проходит несколько дней. Мы успеваем выкопать ещё четыре ямы с разных сторон от проводов, одну из них — прямо внутри лабораторного комплекса.

Наконец мы решаем, что пора заканчивать эту бессмысленную затею.

— Давай ещё последнюю внутри комплекса, прямо в центре, подальше от проводов, — предлагаю я за завтраком. — Ничего не найдём — и чёрт с ним.

— Давай, — вяло соглашается Раварта.

Нас обоих измотали эти странные поиски. Мы даже толком сами не понимаем, что ищем, но продолжаем усердно копать, словно кладоискатели. Только наш клад — это не старинные сокровища, а ответы на вопросы. Раварта, должно быть, внутренне рада, что я сам предлагаю последнюю яму, потому что больше не придётся рисковать жизнью.

Мы находим место в самом центре комплекса, где напольные плитки практически рассыпались, выкапываем яму глубиной больше метра и смотрим в сырую холодную землю. Ничего.

Раскат грома. Мы поднимаем глаза и сквозь некогда остеклённые металлические рамы смотрим на сгущающиеся тучи.

— Надо собираться, скоро дождь, — говорит Раварта.

— Согласен.

Но дождь в этот раз начинается быстрее, чем мы думаем. Небо делается фиолетово-чёрным. Давно не было таких обильных ливней. Ветер быстро меняется. Нас заливает со всех сторон. Мы спешно хватаем ломик, нож, оставшиеся палки.

Раварта заносит ногу, чтобы выбраться наружу, и в этот момент совсем рядом с комплексом бьёт молния. Затем ещё одна, ещё, ещё и ещё.

Мы в ужасе смотрим друг на друга.

— Молнии же не могут бить дважды в одно и то же место, — шепчет она мне дрожащими губами.

— Могут. Это миф, — обрубаю возражения я.

Мы боимся сдвинуться с места. Я уверен, что нас обоих сейчас одолевает самый большой и древний страх, который когда-либо испытывал человек: страх быть убитым разгневанным небом.

— Потихоньку, давай двигаться к противоположной стене и выбираться, — через несколько минут говорю я ей.

— Погоди, ты слышишь?

— Что? — замираю я на месте.

— Писк. Словно…

— Сирена… — теперь и я могу отчётливо расслышать искусственный звук. И доносится он из ямы, которую мы только что выкопали.

Я осторожно приближаюсь к ней и вижу, что изнутри она будто подсвечена какими-то огоньками.

— Рав, дай палку.

Я аккуратно расчищаю мокрую песчаную почву и вижу крестообразный рисунок из жёлтых линий с мигающими лампочками.

— Будем копать дальше? — ухмыляясь, спрашивает она, поравнявшись со мной.

— Будем.

Мы не обращаем внимания на вымокшую одежду, мы слишком увлечены. Мы работаем палками в четыре руки и расширяем яму до тех пор, пока наконец не понимаем, что это либо внутренний пол, либо что-то ещё.

Мы возвращаемся к берегу практически в полной темноте. Ночные хищники должны сегодня затаиться в своих укрытиях, они не любят влагу. Лишь эта мысль нас и успокаивает.

— Трэй, послушай, я вот что подумала, — заводит новый разговор моя возлюбленная, пока мы выбираемся к берегу, — у нас же есть эхолокатор в шаттле. Он может сработать как сканер.

Я останавливаюсь и с восхищением смотрю на неё.

— Ну конечно! В нём же есть функция георадара. Можно будет оценить масштаб подземной части комплекса и, возможно, найти источник тока.

— Главное только как-то вытащить эхолокационную систему из шаттла, — раздумывает вслух она.

Где-то вдалеке раздаётся рык. Мы вздрагиваем, затем резко переходим на бег. Хищник, может, и далеко, но бегает он явно быстрее нас.

Мы выбегаем на плотную песчаную территорию берега. Я внутренне прихожу в себя, но мысль об эхолокаторе доминирует над мыслью об опасностях. Ночью мне не спится. Я продумываю наш план. Раварта тоже ворочается — видно, мы оба сильно взволнованы.

На следующее утро, сразу же после завтрака, мы немедля направляемся к шаттлу. К нашему счастью, эхолокационная консоль вместе с полупрозрачным дисплеем спокойно вынимается из базы бортового компьютера. С модулем эхолота, встроенным в дно корпуса, приходится повозиться, но вскоре и его удаётся вынуть.

У консоли собственный вычислительный блок, она может работать автономно. Нужен лишь источник питания. И он у нас есть.

Консоль вместе с эхолотом весит килограммов десять, но это весьма ощутимо при подъёме по склону. Временами ноги чуть проскальзывают по влажной почве. Сейчас на остров регулярно обрушиваются дожди.

— Думаешь, сработает? — кричит мне в спину Раварта.

— Должно. Нет оснований сомневаться, — запыхавшись, отвечаю я, едва не навернувшись на очередном скользком участке.

Наконец мы у останков лабораторного комплекса. При виде разбитых стёкол я строю злобную гримасу, скалюсь. Пусть эти руины знают, что мы не слабаки. На секунду мне кажется, что искусственный звук — жужжание, смешанное с писком — словно в отместку становится интенсивнее. Нет, это просто игра воображения. Всё так же, как и было.

Раварта кидает на меня слегка удивлённый взгляд, но тут же берёт себя в руки. Озабоченность и усталость проступают в каждом её жесте, выражении лица, наклоне головы. Нет, нужно покончить с этими тайнами и больше её так не изводить.

Я вынимаю изогнутую трубку с проводами и пытаюсь присоединить часть из них к клеммам консоли. Справиться удаётся не сразу. Теперь нужно поместить трубку внутрь ямы, прямо туда, где фиксируется индукционный ток. Трубка, должно быть, выполнена из особого сплава, который проводит ток, но не нагревается. Я осторожно опускаю её в яму. Раварта в это время держит консоль и модуль эхолота.

— Бинго! — восторженно кричит она мне в спину.

— Заработало? — отзываюсь я, выглядывая из ямы.

Я вылезаю, располагаю эхолот неподалёку от ямы и беру в руки консоль.

— Ну давай, детка, яви миру все секреты этого холма. — Вспоминаю, как давно я не пользовался благами человеческой технической мысли. По примерным прикидкам, мы здесь уже почти четыре месяца.

Консоль издаёт короткий писк. Я запускаю режим твердотельного сканирования. Максимальная глубина: сто метров. Скан раз, скан два, скан три… Внутри у меня всё сжимается от нервного напряжения. Неужели там, под комплексом, есть что-то стоящее?

Появляется первая картинка. Я с трепетом и ужасом смотрю на Раварту. Она застыла с открытым ртом, не в силах оторвать взгляда от экрана. Либо это критический сбой системы, либо я провалился в глубокий сон, потому что то, что мы сейчас видим на дисплее, не поддаётся никакому логическому объяснению…

Глава 4

Консоль предлагает построить из полученных сканов объёмное изображение. Я подтверждаю.

— Рав, ущипни-ка меня… ты ведь видишь то же, что и я? — полушёпотом спрашиваю я.

— Какое же оно огромное, — выдавливает она из себя. — Кто и когда это сотворил?!

На экране отчётливо проступают контуры громадного цилиндра. Программа консоли очерчивает лишь его верхнюю часть. Внутри есть несколько крупных поперечных перегородок, которые будто делят сооружение на отсеки. Внутри отсеков видны ещё продольные и поперечные перегородки поменьше. Что это? Шахта? Подземный город? Хранилища?

— Давай ещё покрутим эхолот, — предлагает Раварта.

— Угу, — соглашаюсь я и, всё ещё пребывая в трансе от увиденного, машинально приседаю на корточки и поворачиваю прибор.

Ещё серия сканов. Консоль строит изображения. Затем мы крутим эхолот дальше, стараясь охватить как можно больше пространства в глубине. Мы понимаем, что цилиндрическое сооружение намного шире и глубже. Мы видим ещё какие-то пристройки, которые находятся на глубине более ста метров.

— Это нечто немыслимое! — с распахнутыми от изумления глазами восклицает она. — Трэй, мне совсем не по себе.

— Я знаю, мне тоже, но именно за этим нас сюда и отправили, — я отрываюсь от изображения и нежно целую её в лоб. Он прохладный от ветра.

Она кладёт голову мне на плечо. Я чувствую дрожь в её уставшем и испуганном теле.

— Давай ещё просканируем и уберёмся отсюда, — говорю я, чтобы успокоить возлюбленную.

У нас уходит ещё полтора часа, чтобы постараться отсканировать все доступные участки, а потом мы убираемся прочь. На сегодня с нас достаточно впечатлений. Изучать всё будем в шаттле.

Следующие несколько дней мы почти не перемещаемся по острову и вместо этого подолгу сидим за бортовым компьютером и изучаем полученные изображения. Невозможно описать словами масштабы грандиозного сооружения, которое мы открыли. Это сотни метров, а, возможно, и километры шахт, тоннелей, залов. Всё это не природное, а создано руками человека. На глубине пять-семь метров оно занимает почти весь диаметр холма.

— Как думаешь, давно оно тут? — спрашивает Раварта, дёргая меня за рукав, когда мы идём вдоль гладкой стены с потоками серебристых струек. Ущелье сужается, и ей приходится двигаться следом за мной.

— Не знаю, но, судя по могучей растительности, — не один десяток лет, а, может, и целую сотню.

— Думаешь, это закопали здесь ещё до катаклизмов? — Она горячо дышит мне в затылок.

Я начинаю хохотать.

— Щекотно же! — Поворачиваюсь и пытаюсь легонько укусить её за кончик носа.

— Трэй, я не специально, — она сердито смотрит на меня. — Я вообще серьёзно. А вдруг эта штуковина опасна или радиоактивна? Может, это шахта с отходами. Тод говорил, что такие закопаны по всей Аридафии ещё с незапамятных времён, когда она ещё так не называлась.

— Не знаю, — я пожимаю плечами и беру Раварту за руки. — Восстановители же тут бывали. Да и вряд ли Каверфол нас бы отправил в эпицентр радиоактивной свалки.

— Я Каверфолу не доверяю, — сердито бурчит она, высвобождая руки.

— Рав, он пожертвовал жизнью ради нас.

— Может, он пожертвовал ею ради чего-то другого? — она заглядывает мне в глаза. Её взгляд строг и проницателен.

Я решаю ничего не отвечать. Может, она и права, но чутьё подсказывает, что Каверфол был порядочным человеком. У него были благие помыслы. Тайну сооружения мы обязательно разгадаем. Когда-нибудь.

Небо окрашивается тёмными, густыми оттенками. Пора спешить в наше жилище.

Следующие несколько дней мы стараемся обходить стороной холм с остатками таинственного сооружения. Иногда мне кажется, что сирена с холма доносится и до нашего укрытия. Но думаю, это всё та же игра воображения. У мозга есть два пути обработки информации. Первый — снизу вверх: стимулы внешнего мира бегут туда, где они могут быть осмыслены. Второй — сверху вниз: наше воображение. Это, по сути, то, что сам мозг комбинирует из ранее запечатлённого и воспроизводит на внутреннем экране, сотканном из сенсорных и интегративных областей коры. Но как работает этот внутренний экран воображения, до сих пор остаётся загадкой — возможно, ещё более удивительной, чем та, которую загадал нам остров.

На закате мы вновь приходим в наше любимое место — уступ, с которого открывается живописная часть бухты. Мы садимся на самый край. В руках у нас по сочному сиреневому плоду с беловатой медовой мякотью. Я осторожно тяну за хвостик, обнажая мягкую сердцевину. Прозрачный сок течёт по кожуре, наполняя всё вокруг сладковатым ароматом. Почти синхронно мы откусываем по кусочку нежнейшей мякоти и наслаждаемся не только вкусом, но и видом. Кажется, словно ненадолго мы вернули себе вкус к жизни. Из зарослей позади нас с восторженным щебетом вырываются пёстрые птички, спешащие к себе в гнездовье. Они словно разделяют мои мысли. Моя душа поёт. Здесь нет времени, его смыло в океан. Каждый вдох в такие мгновенья приносит счастье и безмятежность.

Языки пламени пляшут вдоль оранжево-красной дорожки, которую оставляет полукруг закатного солнца. Небо, удивительно чистое и синее, покрыто огненными разводами. У горизонта его всё больше размывают рыжие оттенки. Мы сидим, заворожённые истинной красотой этого мира. Золотая пластина неба словно истончается, уступая место агатовой темноте. Ветер становится прохладнее.

— Пойдём, — предлагаю подняться Раварте.

Она неспешно поднимается, отряхивая с истершихся шорт песчинки и мелкие камешки. Я приобнимаю её, и в тот самый момент, когда мы собираемся повернуться и уйти прочь, нечто странное привлекает наше внимание. На горизонте появляются четыре точки. Судя по линейным размерам, они не мелкие. Это корабли или что-то вроде того.

Раварта вытягивается вперёд, словно не веря своим глазам. Я быстро перевожу взгляд с возлюбленной на точки, которые будто разбухают в растёкшейся по горизонту уже совсем тонюсенькой золотой нити. Уйди мы на минуту раньше, и не увидели бы самого важного. Точки постепенно превращаются в остроугольные силуэты.

— Чёрт! — рычит Раварта. — Десантные корабли-шаттлы экополиции!

— Уверена? — чуть дрогнувшим голосом переспрашиваю я.

— Да, я видела похожие у восточного побережья. Они там проводили какие-то учения.

— Хм, интересно, сколько ты всего знаешь…

— Трэй, чего ты хмуришься? — она выдавливает подобие улыбки, но её голос предательски дрожит от волнения и смущения. — Ты даже не представляешь, из какой задницы нам приходилось с Тодом выбираться. И болота восточного побережья — не самая большая из них.

— Да уж… что это я в самом деле, — то ли ёрничаю, то ли успокаиваю себя я. — Что будем делать?

Раварта садится на корточки и обхватывает ноги. Она задумывается, глядя куда-то перед собой. В последних лучах солнца ветер развевает золотые нити пушка над макушкой.

— Возвращаться в наш лагерь нельзя. Они быстро обнаружат наш шаттл и следы, ведущие от него, — отрезает она и быстро встаёт на ноги.

— Верно, — соглашаюсь я. — Как думаешь, они за нами или есть ещё причины для столь позднего визита?

— Хех, думаю, больше им тут незачем быть, — она берёт меня за руку. — Уйдём с открытого пространства.

— Но… мы же…

— Да, мы могли пробудить какой-то маяк, — перебивает меня она, когда я пригибаюсь, чтобы отодвинуть ветвь с плоскими толстыми листьями. — Сирена так и орёт с того дня. Но, полагаю, им давно известно, что мы здесь. Странно, почему раньше не прибыли.

Она делает шаг вперёд, в густую чащу. Я придерживаю ветку, давая ей пройти.

— И мне непонятно. Может, они выжидали. Хотели узнать, что мы тут будем делать.

— Может, и так.

— Сколько их может быть на таких судах?

— До тридцати человек на каждом, если я правильно помню.

Я чувствую, как волна страха пробегает по моему телу. Я только сейчас начинаю осознавать, что сюда прибывает несколько десятков вооружённых, хорошо тренированных людей. У них есть всё, у нас — ничего.

— Не волнуйся, мы ещё зададим им, — словно перехватывает мои тревожные мысли Раварта. — Мы больше знаем об острове и его опасностях. Это даёт нам фору.

Я ничего не говорю, лишь коротко киваю. Не хочу, чтобы она лишний раз слышала мой дрогнувший голос. Впереди беспросветная тьма. Солнце село. С неистовой силой запевают свои серенады цикады, словно приветствуют бездонную черноту ночи.

— Предлагаю двигаться вдоль кромки холма, постепенно уходя к подножью второй горы, вглубь. Так мы сможем уйти нехожеными тропами подальше от шалаша.

— Хорошо. Там по ситуации, — она тихо соглашается.

Идти неприятно. Вокруг темно, сыро и опасно. Москиты жрут мою шею, но я этого почти не замечаю. Доминанта выживания в моём мозгу подчиняет себе все остальные эмоции и ощущения. Мозг выбрасывает АКТГ, который «выдавливает» кортизол из коры надпочечников. Обычно вечером уровень кортизола самый низкий, но сейчас у организма нет времени для раздумий — нужно мобилизовать ресурсы. Я стараюсь не думать о том, что они с нами сделают, если обнаружат. Внезапно откуда-то справа и снизу раздаётся грохот. Вспышка яркого света проникает даже сквозь толщу листвы.

— Сигнальная ракета, — жёстко отчеканивает Раварта. — Надо же голубкам подсветить себе дорогу.

У меня вырывается нервный смешок. Мы продолжаем движение по намеченному маршруту, но наш шаг становится чуть более скорым.

— Ну ничего, они ещё тут хлебнут дерьмеца, — злорадно констатирую я. — Мы так просто не дадимся.

— Это правильный настрой, Трэй, — она останавливается и вслушивается в звуки, доносящиеся с берега. — Интересно, куда они направятся первым делом?

— Может, они вообще переночуют на берегу.

— Не исключено. Пошли, — она словно срывается с места, схватив меня за локоть. — Тогда мы успеем занять выгодную позицию на втором холме. Оттуда виден берег и холм с останками этой… — она запинается, подбирая нужное слово, но, видимо, не найдя ничего лучше, выпаливает: — …штуковины.

Холм, по которому мы идём, находится в глубине острова, поэтому расслышать, что делается на берегу, не получится, но увидеть — вполне. Почти через два часа мы добираемся до

относительно безопасного, как нам кажется, места. Отсюда можно увидеть часть берега, к которой должны были причалить шаттлы экополиции.

Почти полная луна мощным прожектором отражённого света продирается сквозь пелену лёгких облаков. Через несколько минут она полностью расчищает небо, и её свет очерчивает белёсыми линиями угловатые выступы берега.

Три вытянутых силуэта десантных кораблей-шаттлов мерцают гладким металлом.

— Ты тоже видишь только три? — тихо задаю вопрос.

— Да. Это плохо. Четвёртый либо где-то патрулирует, либо зашёл с другой стороны острова. Правда, там почти нет подходящих мест для швартовки.

— Надеюсь, они не решатся пришвартоваться у скалистых берегов и пойти вплавь на шлюпках.

Раварта пожимает плечами. Она сейчас поглощена изучением прибрежной территории.

Вдоль береговой линии один за другим загораются огни. Некоторые из них словно колышутся. Это значит, что они растянули светосеть.

— Скорее всего, часть из них там и заночует, возможно, даже все, — подытоживает Раварта.

— А не логичнее было сразу отправить отряд искать нас, чтобы застать врасплох и всё такое? — интересуюсь я и зябко ёжусь то ли от нервного напряжения, то ли от внезапного порыва прохладного ветерка.

— Ну, они же не знают, где мы можем быть. Скорее всего, они сейчас прочёсывают берег, а завтра двинутся вглубь. Вероятно, они уверены, что деваться нам всё равно некуда. Что, в общем-то, правда.

— Да уж, — усмехаюсь я нашему положению. — Жаль, что нет бинокля.

— Это да, но чем меньше техники, тем сложнее нас засечь.

— Согласен, — не перестаю удивляться логичности Раварты.

Некоторое время мы вглядываемся в месиво огней прибрежной зоны. Отсюда всё это можно принять за ярмарку, наподобие тех, что приезжают на наш захолустный рынок. Мы делаем небольшой настил из веток и листьев и договариваемся спать по очереди. Первой вызывается сторожить наш ночлег Раварта. Я буквально заставляю себя закрыть глаза. Сплю плохо, прерывисто. Примерно часа через три она тихонько расталкивает меня. Мой черёд.

Луна всё ещё жёлтая, но близящийся рассвет превращает её в мишень с отливами белого в центре и по краям. Играет отражённый свет. Я вспоминаю девушку Луну, она же Шелена. Она была, как и все мы, мишенью на пути к свободе. Где та грань, когда система перестаёт видеть в человеке безликую часть толпы и начинает видеть в нём мишень? В какой миг на тебя наводят прицел те, кто призван охранять незыблемый порядок? Ощущает ли человек внутри себя этот диковинный переход, или же система сама начинает как-то по-новому идентифицировать его?

В теории сильнонеравновесных систем даже небольшая флуктуация, незначительное отклонение может вызвать внутренний сбой всего устройства системы, её глобальную перестройку. Переход в совершенно новое состояние.

Разве не так же, подобно роковому шепоту, незначительные, казалось бы, социальные события порождали великие потрясения в истории человечества? Они становились запалом для гражданских войн, смены правительств, внезапных дворцовых переворотов, что в итоге приводило к новому устройству общества, порой разительно меняя все некогда считавшиеся непоколебимыми устои.

Сможем ли мы стать той необходимой флуктуацией? Хватит ли у нас дерзости и воли, чтобы вызвать резонанс и перестроить тоталитарную систему Аридафии? Или же наша судьба — медленно, но верно сгинуть, оставаясь лишь безгласными, обречёнными мишенями для охранителей системы?

Прохлада щекочет ноздри. Глаза холодит то ли от ночного ветерка, то ли от влаги в них. Эмоции сегодня вели свой неистовый, физиологический вальс. С утра — чистая, солнечная идиллия, предвкушение и радость дня. Потом — неожиданно напряжённый, тревожный вечер, попытки скрыться, а теперь — тяжёлые, словно свинец, мысли о нашем сопротивлении. Всё слиплось в какой-то разноцветный эмоциональный комок из восторгов, радостей, страхов и печалей.

В памяти сгущаются образы того дня, о котором я сейчас больше всего не хочу думать. Её палата выглядит размыто… что они с ней сделали… мозг сперва всё заливает темнотой, а затем словно из небытия прожектором внутреннего взора высвечивает бетонную ограду полигона, вдоль которой мы бежим к лесу, к Восстановителям. Размашистыми тёмно-зелёными мазками на фоне мутной пелены проступают кроны деревьев злосчастного перевала. Скольких мы тогда потеряли под обстрелом? Моё воображение обостряется, и меня внутренне неприятно подёргивает, когда я вдруг вспоминаю хищные бутоны альдрованды, выплёвывающие едкую щёлочь. Что сейчас со Сьюзан? Вылечили ли её ожоги?

Капля оставляет морозный след на щеке, когда я вспоминаю застывшее перекошенное лицо Хенрика, и как Левия трясла его остывающее тело… Сколько их погибло ещё за то время, пока мы здесь? Кэтрин, Алекс, Шелена, Абиг, Тод, Эндрю и остальные. Что сейчас с ними: блуждают по лесам или попались в очередную мерзкую ловушку Корпорации? Что на этот раз? Ядовитые слизни, саблезубые волки, изысканные токсичные ароматы на опушках леса?

Эти мысли посещали меня и раньше, но сейчас они острыми спицами вонзились в извилины и плетут там свой витиеватый узор. Не впустую ли всё это…

Мне хочется верить, что Тод отвёл отряд на заброшенный склад в Хармидж-Таун или куда-то ещё, далеко-далеко от цепких лап Корпорации. В это же мгновение ко мне приходит осознание: мы ещё никогда не были так близко от «Плазмиды», как сегодня. Она здесь, рассредоточилась в бойцах, катерах, командирах, оружии. В сознании всё словно внезапно проясняется. Корпорация убила мою сестру. Вот что главное. Президент Рид и его мрази навсегда отобрали мою Никсу. *Они убили мою сестру.* Я должен выжить, чтобы отомстить. Нет, всё это не зря. Не зря. Не зря.

Глава 5

Я решаю не будить Раварту, чтобы дать ей восстановиться. И уж больно сладко она спит. Когда солнце встаёт совсем высоко, я аккуратно расталкиваю возлюбленную.

Мы отыскиваем несколько съедобных плодов на завтрак. Кисло-сладкая мякоть вязко застревает в горле. Есть не тянет, но подкрепиться всё же следует. Теперь неизвестно, когда ещё сможем поесть.

Раварта навешивает мне на грудь и пояс пучки тонких веток. Длинные черенки плоских листьев заправляются за воротник рубашки, вернее, её жалкого изодранного подобия. Хочется просто сорвать её, измазаться и идти по пояс голым.

— Давай лица помажем грязью, — предлагаю я, нагнувшись к земле, хоть и подсохшей со времени последних дождей, но всё же жирной.

— Обязательно! — решительно провозглашает она.

Я поднимаю голову и вижу то ли улыбку, то ли оскал на её уверенном лице.

И мы измазываем друг друга. На меня накатывает что-то похожее на дежавю.

— Ты так исхудал, не шея, а одни жилы, — она качает головой и круговыми движениями растирает буро-чёрный шмат жирной почвы по моему затылку и шее.

Рубашка совершенно изодранная, пропитанная потом, тёмной грязью, местами измазанная хлорофиллом, словно срослась с телом, превратившись в камуфляжную броню. Остатки рукавов Раварта отрывает, чтоб не мешались.

— Да уж, тут не до обильных трапез в корпоративных залах, — отшучиваюсь я и ощущаю, как, несмотря на сжатые в комок нервы, в животе всё равно заурчало. Что это? Истома по ГМО-еде?

— Знаешь, когда это всё закончится… — она произносит это твёрдо, даже дерзко, — я приготовлю нам с тобой такой обед, которого не видел ни один корпоративный стол.

— Идёт! — я поднимаю руку, и она шлёпает своей ладонью по моей.

Украдкой смотрю в её глаза: они сегодня и тревожные, и искрящиеся, и какие-то по-особому заботливые. За время пребывания здесь, на острове, она как-то смягчилась, успокоилась. Да и я словно переродился в лоне предковой зелени. Я всё ещё любуюсь её бровями, очерченными худобой скул.

Простила ли она меня за тот кошмарный импульс? Я ведь её чуть не убил в порыве ярости. Чудовищем я был тогда, вот кем. Откуда это пришло в мой мозг? Словно какая-то подсаженная извне психическая программа. Странно, что Раварта никогда не вспоминает тот случай, ведёт себя так, будто ничего такого вовсе и не случилось. А может, не хочет или боится, или не желает причинять нам обоим боль? Или есть что-то ещё? Что-то такое, о чём я не должен знать. Эта девушка до сих пор — самая большая загадка в моей жизни.

Покончив с созданием камуфляжа, мы коротко обсуждаем план.

— Давай подниматься к вершине холма, чтобы осмотреться, — рассудительно предлагает Раварта.

— Думаешь, они уже ушли с берега? — осторожно спрашиваю, слегка почёсывая затылок. Подсыхающая грязь стягивает кожу, отчего та начинает неприятно зудеть.

— Уверена, они рассредоточиваются по острову, но у нас есть время подняться на вершину первыми.

— Да, надеюсь, мы успеем слинять оттуда до того, как они решат прочесать весь холм.

— Тогда нужно поторопиться. Да и солнце пока не в зените, — она смотрит куда-то вверх, но совсем в противоположную от светила сторону.

Сперва мы идём скорым шагом, но так, чтобы издавать поменьше шума. До вершины в таком темпе часа два. Но постепенно, приближаясь к более открытым участкам-полянкам,

темп приходится сбавлять. Мы стараемся ступать тихо, озираясь. Временами Раварта останавливается и заходит мне за спину. Она проверяет, нет ли за нами слежки. В кустах и за деревьями несложно спрятаться, но только если поодиночке или совсем небольшими группами. Мы надеемся, что отряды не будут разбиваться на двойки и тройки.

Сегодня небольшой ветер, и густые кроны шуршат, но от этого звука только тревожнее.

Наконец мы выбираемся на пологую вершину горы и присаживаемся на корточки, так, чтобы издалека нас можно было принять за кусты или кочки. Деревьев здесь почти нет, лишь кустарники растопыривают грабли высушенных колючих веток. Спугнутый нами рыжехвостый жулан вспархивает с сухой ветки и уносится прочь. Солнце печёт голову и шею, отчего кожа зудит совершенно невыносимо.

Отсюда можно разглядеть прибрежную полоску практически по всему периметру границ острова. Мы крутим головами во все стороны. Как мы вчера и предполагали, один из катеров зашёл с противоположной стороны и бросил якорь в прибрежных водах. Может, там работают водолазы?

— Смотри, — я осторожно беру Раварту за испачканный грязью локоть, пытаясь привлечь её внимание к вершине холма напротив нас. — Они там что-то возводят.

— Хм, — она как-то недоверчиво прищуривает глаза, аккуратно вытирая ладонью капельки пота со лба.

— Что-то похожее на шатёр, — выдвигаю я предположение.

— Да, что-то вроде того, — произносит она с нотками замешательства в голосе.

— Зачем им там шатёр? — рассуждаю вслух и одновременно борюсь с желанием не начать счёсывать с себя ошмётки грязи, потому что зуд всё усиливается. — Там явно что-то важное.

— Может, там вход в сооружение? — предполагает она и переминается с одной согнутой ноги на другую.

— Может быть. И если это так, то, скорее всего, они знают, как попасть внутрь.

— Вот и одно из объяснений их внезапного появления здесь.

— Чёрт! — с досадой восклицаю я. — Мы там явно что-то нарушили, чем вызвали сбой в их системе безопасности.

— С тобой всё в порядке? — обеспокоенно спрашивает она.

— Да, только по коже словно стая насекомых елозит мерзкими лапками. Еле сдерживаюсь, чтобы не начать чесаться о ветки и камни, — удручённо втягивая воздух сквозь стиснутые зубы, выдавливаю из себя я.

— Бедненький… — она старается говорить сочувствующе, но сама едва не смеётся.

И откуда этот странный коктейль эмоций? В мозге соревнуется первичная, древняя эмоция смеха, прорывающаяся из водоворота лимбического круга, с чувством ответственности, за которое отвечает дата-центр лобных долей. Лобные доли пытаются словно контейнировать, упрятать смех подальше, запаковать в непрозрачный пластик. Сколько раз люди попадают в такие неловкие ситуации! Помню, однажды мы сидели на лекции про свободное падение. Вдруг сосед прошептал мне на ухо: «С какой скоростью должен падать наш профессор, если его бородавка превратится в парашют…»

И вот, лимбическая система мгновенно набирает обороты, словно заведённый механизм, тем самым активно вовлекая в работу обширные области лобных долей. Какие-то части лобных и височных долей пытаются остановить эту эмоциональную вакханалию, взывая к здравому смыслу, но это лишь усиливает реакцию. Теперь уже поздно: сигналы к мимическим мышцам уже отправлены. Никакие мольбы, просьбы, упрёки тех жалких областей коры, ещё не вовлечённых в стихию смеха, не спасают от лавины накатывающего хохота.

Смех коварен: он вовлекает в работу даже высшие контролирующие участки коры. Это как предатель в главном штабе. Чтобы понять шутку, нужно её логически проанализировать.

В итоге штаб занят не обеспечением целенаправленного поведения, а анализом всяких нелепостей и жизненных парадоксов. Именно они смешат нас больше всего. Наверное, поэтому люди так любят тратить время, рассказывая друг другу анекдоты и часами смеясь над всякой чепухой. Ведь смех — ещё и древнее наследие: он давал нашим предкам возможность выдохнуть, расслабиться после напряжённой охоты. Это сигнал — отбой тревоги. Вот и сейчас мы подобны нашим древним предкам на охоте. Только охотимся не мы, а на нас. Раварте необходимо снять напряжение, и я её не виню.

— Я бы, конечно, это смыл, — я произношу это с упрёком, хотя на неё совсем не обижен. Ей действительно меня жаль. Я это знаю.

— Прости, — она начинает напряжённо чесать лоб (это, скорее, от пота, а не от грязи). — Если будет совсем невмоготу, то, конечно, счистим с тебя грязь.

Я киваю, прокручивая в мыслях план действий.

— Надо разузнать, что они там затеяли. Быть может, мы им вообще не нужны.

— А может, и нужны. В любом случае держим ухо востро.

— Угу, — одобрительно киваю я и радуюсь, что мы скоро уберёмся с этого пекла.

Всё ещё сидя на корточках, мы осторожно движемся к спуску. Местами песчаная почва оголена, и я старательно шаркаю ногами, затирая наши следы. Солдаты скоро сюда доберутся, и им не нужно знать, что мы здесь проходили. Чуть ниже нас скроет подлесок, но здесь, на открытом месте, рисковать нельзя.

Наконец мы спускаемся туда, где кусты становятся выше и гуще. Стройные стволы деревьев мелькают всё чаще. Спрятаться здесь становится значительно легче. Раварта ступает почти бесшумно, чуть пригибая голову. Это выучка, полученная годами тренировок и жизни с Тодом. В густых верхушках деревьев птицы перебрасываются певчими кодовыми сигналами. Мне отчаянно хочется нервно засмеяться. А потом чесать всё тело, окунуться в ледяной ручей или нырнуть в море. И забыться. Ещё вчера утром было так спокойно, так хорошо и безлюдно.

Где-то метрах в двухстах с треском ломается ветка. Это точно не кабан и не заяц. Раварта мгновенно замирает. Я перестаю дышать, рот самопроизвольно приоткрывается — так легче ловить малейший шорох. Повисает густое напряжение. Мы приседаем и осторожно отступаем в густые кусты.

Приближаются люди: человека три или четыре. Шаги становятся всё громче. Один, с москитной сеткой на голове, постоянно отмахивается. Двое других спокойно идут по бокам от него, с оружием наготове. Чуть дальше ещё один, словно замыкая колонну, но он явно не спешит за ними. Мы замерли в ожидании. Сложно вдвоём что-то придумать против четверых вооружённых. Либо придётся их как-то разделить, либо сдаться, а по пути придумывать план побега. Но куда бежать? И долго ли мы так будем бегать? Да и какой у них приказ? Скорее всего, стрелять на поражение. Во рту пересыхает. Они совсем близко.

Тяжёлая рука Раварты ложится мне на плечо, и я вздрагиваю. Она словно пытается прижать меня к земле. Я пригибаюсь, и колючий лист прочерчивает кривую на моей шее. Зуд становится совершенно невыносим, и, не сдержавшись, я резко забрасываю правую руку назад и чешу шею и затылок. Шаги, звучавшие уже в нескольких метрах от нас, стихают. Только птицы всё ещё продолжают кидать свои кодировки.

— Там что-то есть, — тихо говорит худощавый солдат слева от того, что в москитной сетке.

— Может, зверь или птица, — отвечает парень в москитной сетке и на всякий случай снимает с предохранителя свой автомат.

— Не шуми переводом, — цыкает на него худощавый.

«Истероид», — думаю я про парня в москитке. Оно и к лучшему. Демонстративный, чувствительный, импульсивный. Это его слабости здесь. Остров не любит импульсивности. Она — верная дорога к смерти. И когда я это стал размышлять как одичавший отшельник?

Мы прижимаемся к самой земле, чтобы полностью слиться с подлеском. Солдаты осторожно приближаются к тем кустам, куда Раварта незаметно бросила комок земли. Слышно, как подбегает четвёртый, тот, что до этого плёлся позади. На наше счастье, из гущи листьев вспархивает пара кедровок. Наш камуфляж всё ещё эффективен, поэтому разглядеть нас не так просто. Несколько минут они топчутся на месте, а затем худощавый командует всем двигаться к вершине. Мы тяжело и почти одновременно выдыхаем. Раварта поднимает голову и смотрит на меня то ли с упрёком, то ли с сожалением.

— Надо было смыть всё-таки, — заключает она, когда мы встаём с коленей и отряхиваемся.

Я уже отвык от такого стресса и ощущаю дрожь во всём теле, но стараюсь её подавить, понимая, что дальше всё может быть ещё опаснее. Раварта замечает это, и её лицо озаряет тёплая волна сопереживания. Она обнимает меня и нежно целует в ухо. Сжимаю зубы и приказываю себе успокоиться. Затем резко расслабляюсь: два коротких вдоха и резкий выдох. Раварта отрывается от меня и улыбается. Как ей удаётся сохранять это спокойствие? Я, кажется, никогда к этому не привыкну.

Моя возлюбленная срывает несколько листьев и принимается счищать ошмётки с моей шеи, плеч, рук. Я верчу головой, вслушиваясь в шорохи леса, гул ветра, пение птиц. Всё тихо. Можно двигаться дальше. Мы петляем, стараясь не набредать на собственные следы; и избегаем кострища, где некогда я нашёл Раварту после ссоры. Сколько мы так будем прятаться?

Глава 6

К вечеру решаем остановиться неподалёку от места последней ночёвки. Отсюда хорошо видно почти весь остров. К нашей радости, вечер необычайно тёплый и безветренный. В этот раз я засыпаю первым; через четыре часа я сменю Раварту. После утомительного дня, полного скитаний, аромат травы, стрекот насекомых и пение ночных птиц сливаются в единый поток и обволакивают, словно уютное одеяло, укрывающее всё тело. Мозг позволяет телу расслабиться. Мой сон стережёт Раварта, а она смела, умна и хорошо тренирована. Быстро проваливаюсь в небытие.

Я просыпаюсь от приглушённого грохота, похожего на отдалённые раскаты грома. Пытаясь разлепить глаза, поворачиваю голову и застаю глубоко спящую Раварту. *«Чёрт, мы проспали. Раварта отрубилась».* Окончательно открываю глаза. Должен быть дождь, но его нет. По высоко стоящему солнцу понимаю, что время ближе к полудню. Раздаётся раскат грома, затем ещё и ещё: глухие удары сотрясают землю — бум, бум, бум, бум. Пронзительный свист. Всё стихает. Внезапно осознаю, что звук идёт не с неба, а со второго холма.

Я легонько обнимаю Раварту и аккуратно бужу её, поглаживая по плечу. Она ворочается, пытается отмахнуться. «Ну уж нет. И так проспала свою смену». Щекочу её рёбра, уворачиваюсь от удара локтем в челюсть. С ней шутки плохи. Наконец она просыпается, спросонья вертит головой. Быстро вскакивает на колени, трёт глаза, отходит куда-то в чащу и вскоре возвращается.

— Вот дерьмо, проспала. Трэй, прости, — говорит она, всё ещё не в состоянии до конца прийти в себя.

— Успокойся, — я поднимаюсь с земли. — Переутомление, недостаток нормальной пищи, общее истощение. Такое бывает, ты не виновата… мы не виноваты.

— Мы очень рискуем, — она пытается убедить саму себя в том, что всё контролирует.

— Да, рискуем. Но сейчас мы выспались. Оба. Восстановили силы, и теперь нам их хватит на несколько дней, — потягиваюсь я, пытаясь придать своим словам оттенок непринуждённости.

Некоторое время она молчит, часто моргая, и морщит лоб.

— Да, ты прав, — она поправляет волосы, свалявшиеся в похожие на паклю пучки. — Я хочу пить. Ночью было душно.

Мы отыскиваем источник — небольшой ручеёк, обрамлённый невысокими ярко-зелёными растениями. Вид зелени и журчание воды успокаивают.

— Хочется ещё прилечь и проспать здесь весь остаток дня, — внезапно произносит Раварта, но вместо этого зачерпывает холодную воду и плещет себе на лицо.

Я следую её примеру. Мы напиваемся вдоволь. Как жаль, что не во что налить воду. Всё осталось в шалаше. Мы идём сквозь чащу, я рассказываю Раварте о грохоте, который доносился со стороны холма.

— А на что это всё-таки больше похоже? — она останавливает меня и пытливо вглядывается в моё лицо.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Что-то среднее между громом и выстрелом, может, пушка какая.

— А может, это защитное поле сработало? Отразило их попытки взломать вход, — предполагает она.

— Ну-ну, вот уж радость. Ещё скажи, что поле их всех перебило отражёнными снарядами.

— Это было бы и впрямь забавно, даже как-то глупо, — смеётся она, мягко толкая меня в бок локтем.

— Нет, — я делаю осторожный шаг вперёд и поднимаю голову к небу, туда, где верхушки высоких диптерокарповых деревьев соприкасаются с листвой пальм и тиков. — Они явно знают, что делают. Надо узнать и нам.

Тыльной стороной ладони смахиваю со лба капли горячего пота.

— И мы узнаем, — она тоже закидывает голову. — Что там, Трэй?

— Знаешь, так странно, — я окидываю взором переходы тонов на массивном буро-зелёном стволе дерева. — На одном острове соседствуют растения совершенно разных климатических поясов. И переходы какие-то резкие. Да, прибрежная зона тёплая, но здесь совершенно другая атмосфера: просто парилка, как в сауне спортивного комплекса Мингалоса.

— И что? — спрашивает Раварта. — Тут же столько солнца. Мы явно сильно южнее Мингалоса.

— Да, это верно, но здесь удивительным образом растут рядом растения из влажных тропиков и из умеренных северных широт.

— Так это же остров биоконсервации. Они сюда и свезли все возможные растения, со всех широт. Разве не так?

— Это верно. Но многим из них нужен особый климат. Ты посмотри, какая горячая почва, — я тыкаю носком совсем уже изношенного кеда в жирный грунт. Через истончившуюся до предела подошву пальцы обдаёт резким жаром.

— И правда. Я и не заметила. Мы словно ходим по недавно потушенному кострищу. Мы так любили с Тодом потушить костёр и потом затоптать его. Бывало, уже холодно совсем, а ногам тепло-тепло. — Она улыбается и тут же чихает в рукав.

— Влажность, она такая, — улыбаюсь ей в ответ. — Я думаю, тут где-то подогревают почву.

— Это хорошая новость. Ведь если вдруг станет холоднее, можно отогреваться здесь. И как же мы раньше не обращали внимания.

— Мы были в другом психофизиологическом состоянии.

— Ох, ну да, мистер учёный.

— Именно так. Мы гуляли расслабленными, а сейчас собраны, многие чувства обострены, сенсорные системы изменили пороги восприятия. И мы замечаем то, что при иных условиях осталось бы совершенно незамеченным.

Раварта кивает и становится серьёзнее. Мы идём дальше.

— Видишь, — я осторожно указываю на зеленоватый бугорок на одной из толстых веток, оплетённой буровато-серой лианой.

Внезапно бугорок приподнимается, спереди превращаясь в кожистую трапецию, на которой проявляется широко распахнутый глаз.

— Это же… — Раварта восторженно разглядывает ящерицу. — Игуана! Почти как мой Леопольд! Впервые здесь вижу.

— Да, и я. Мы сюда ещё не забредали, — внимательно разглядываю ящерицу. — Осторожно, эта может укусить и потом…

Но я не успеваю договорить, как Раварта тянет руку и, забавляясь, чешет спинку ящерице, которая рывками отползает выше по ветке.

— Да ладно тебе, она не такая уж и опасная, только сепсис, делов-то, — она продолжает поглаживать ящерицу.

— Ага, только этого добра нам ещё не хватало, — недовольно бурчу я себе под нос и шагаю вперёд.

Мы движемся вдоль зарослей у склона, то поднимаясь к его подножью, то спускаясь. По пути собираем съедобные плоды. Несколько раз откуда-то издалека до нас доносятся мужские голоса. Видимо, выкрикивают команды или что-то подобное. Мы их слышим, а нас — нет. Это хороший знак, но всё может перемениться.

— В общем, у тебя нет предположений, что за грохот доносился с вершины холма? — пытается вернуться к исходной теме Раварта.

— Я думаю, что мы скоро узнаем, чем они там занимаются. Ведь рано или поздно нам всё равно захочется посмотреть на это своими глазами.

Впереди сквозь густую листву брезжит просвет.

— Ну не знаю. Может, они там минируют подходы к вершине, — предполагает Раварта. Она отодвигает ветку, и откуда-то сверху сваливается небольшая змея.

Раварта вздрагивает, отскакивает, закусывает губу. Её лицо искажают страх и отвращение. Мы ждём, пока змея отползёт, и идём дальше на свет.

Нам открывается небольшой участок у подножия холма. Со стороны склона породы просели, оголив массивные корни тисов и сосен. Часть песчаника выветрилась, разбросав тысячи мельчайших частичек на полянке. Раварта усаживается на корягу, с протяжным стоном вытягивая ноги. Я осматриваюсь. Отсюда хороший обзор.

Пока я прикидываю, куда отступать, если нас обнаружат, моя возлюбленная срывает небольшую веточку и, широко расставив ноги, что-то вычерчивает на земле. Я подхожу ближе и узнаю знакомые символы: круг с радиально расходящимися от центра пятью лучами. Сверху и снизу — по две соединённые углом линии — наши с Равартой руки — символ «Плодородия» и нашей любви. Я усаживаюсь рядом и впиваюсь взглядом в простые символы глубокой и сложной борьбы одних людей с жадностью и жестокостью других. Некоторое время мы сидим неподвижно. Время течёт быстро, но не настолько, чтобы мы могли забыться и утонуть в пространстве этого странного мира, поглощённые небытием дикой природы.

Наконец я встаю и решаюсь прогуляться вокруг, чтобы ещё раз убедиться, что у нас есть безопасные пути отхода. На самом деле, мне нужно побыть одному, собраться с мыслями, отыскать в глубинах сознания какой-то план.

«Что дальше?»

— Я пойду осмотрюсь ещё разок, — говорю я то ли ей, то ли себе.

Она молча кивает и начинает зачем-то затирать голой пяткой рисунок.

Раварта устала, я устал. Когда на тебя охотятся, жизнь быстро становится непроглядно бестолковой, вся красочность исчезает, природная свобода теряет всякий смысл.

Вечереет, но солнце ещё излучает в полную силу. Из пролеска веет прохладой. Лес здесь смешанный, хвойно-лиственный. Москиты налетают на мои оголённые руки, комары жадно вонзают хоботки в шею, а мошки облепляют глаза. Пирушка кровососов. Я отмахиваюсь, как могу. Внезапно замечаю на небольшом холмике, усыпанном сухими иголками, нечто совершенно не вписывающееся в местную флору и фауну. Диковинный цветок — словно восхитительная танцовщица в белой юбке с задранными вверх краями свела руки над головой в динамичной позе. А её головка вызывающе смотрит на меня. Кажется, это редчайший вид орхидеи. Нам, вроде бы, рассказывали, что когда-то в старину это капризное растение никак не могли расселить по другим континентам. А здесь оно так запросто адаптировалось к совершенно чужим условиям. Хотя, наверное, изначально оно произрастало в той части острова, где много солнца, тепла, воды. А затем его как-то занесло сюда, но оно приспособилось. И теперь здесь его дом, оно здесь своё.

Можем ли мы быть «своими» в мире, который изначально не предназначался для нас? Как сильно окружение влияет на нас и наше самосознание? Является ли наличие пышного бутона собственной заслугой цветка? Был бы он таким без теплоты южных широт, энергии ослепляющего солнца и живительной влаги ручьёв? Если бы мы только могли спросить у цветка, хочется ли ему быть таким. Ведь яркие лепестки — лишь средство для привлечения опыляющих насекомых. Хочет ли цветок использовать их по своей воле или его вынуждают суровые обстоятельства конкурентной среды? Да, у цветка нет свободы воли. Но чем я лучше цветка? Вот сейчас на нас охотятся, я вынужден измазываться грязью, обматываться листьями

и ветками, чтобы не привлекать к себе внимание. Где тут к чёрту моя свобода воли? Мозг ли мой сюда меня привёл или обстоятельства?

Учёные до сих пор спорят о том, есть ли у человека эта пресловутая свобода воли. Если в мире всё предопределено — известно поведение любой частицы, даже гипотетической, — то и работа клеток мозга предсказуема. Когда-то древние мыслители мечтали о создании Великой Математики, инструмента столь всеобъемлющего, что он смог бы просчитать и развернуть перед нами всю панораму будущего. Но если бы это свершилось, если бы мы узрели его, во всех деталях, — что бы осталось от сладости жизни? Разве не превратилось бы наше существование в скучную, бессмысленную пьесу, финал которой известен ещё до поднятия занавеса? Физические законы термодинамики — эти строгие стражи Вселенной — говорят, что невозможно восстановить поведение частиц из текущего состояния. Термодинамические процессы нашей вселенной необратимы, их нельзя повернуть вспять, подобно тому, как невозможно склеить и вернуть к первоначальному блеску разбитое вдребезги зеркало. И всё — из-за крохотных случайностей. Возникновение мельчайшей частицы в мизерном объёме пространства, там, где ничто не предвещало даже намёка на изменения, приводит к перестройке огромной системы. Неясно, как это происходит, но это происходит. И тогда в нашем мозге должны отыскаться где-то на бескрайних просторах полей коры или, быть может, в самой его глубине такие нейроны, которые вопреки всем обстоятельствам и воздействиям сами зажгутся нервным импульсом, торжественно пронеся эту крохотную, но важную искру победы над детерминизмом. Именно наша способность преодолевать, то есть не реагировать автоматически, и даёт нам свободу воли, пусть и в координатах системы с весьма ограниченным выбором. Это и делает нас самыми особенными существами на планете. Но эта же свобода, её осознание и принятие должно сделать нас ответственными не только за наши собственные жизни, но и за жизнь всей планеты, а может быть, и целой вселенной.

Нежность лепестков цветка напоминает мне невинность Никсы. Был ли у неё выбор? Спрашивал ли её кто-то? Сейчас так хотелось бы повернуть всё вспять, вернуться туда, загородить её собой, защитить. Обнять её, совсем маленькую, исхудавшую, согреть, унести далеко-далеко из Мингалоса, в другую вселенную, где тепло, светит солнце и дышится легко и свободно. Лепестки подёргиваются рябью, мир вокруг плывёт — слёзы застилают глаза. Одна нелепая, но чудовищная случайность изменила весь ход событий. Я не хочу думать о матери, мне кажется, она тоже виновата в том, что случилось с Никсой. Но при мысли о том, каково ей самой сейчас, становится невыносимо. Я больно кусаю кулак, чтобы переключиться на другие ощущения. Внутренний нейро-пинг-понг гоняет импульсы мыслей, переключаясь между сетями, тревога отступает, и я спешу вернуться к возлюбленной.

— Я понимаю, как тебе сейчас нелегко, — она прижимается горячей щекой к моей шее.

— Нет, Рав, нам обоим нелегко. Выбирая этот путь, никто из нас не знал, к чему всё это приведёт, — я обхватываю её за талию, пытаясь ощутить тепло её тела. Ночь дышит прохладой, температура стремительно падает. Мы укрылись ветками и лежим, вплотную прижавшись друг к другу. Волны дрожи прокатываются по нашим телам, заставляя мышцы работать и выделять тепло. Мы словно обогреваем остров.

— Чёрт! — выпаливает Раварта сквозь стук зубов. — Всё осталось в убежище. Нет ни ножа, ни зажигалки!

— Мы бы всё равно не смогли развести костёр, — пытаюсь я её успокоить. — И нож вряд ли бы нас выручил.

— Ножом можно соорудить ещё одно убежище, да и рыбу ловить, примотав его к палке. А костёр можно жечь почти без дыма. Я умею.

— Что ты предлагаешь? — я приподнимаю голову и пытаюсь вглядеться в темноту, где должны быть её глаза.

— Надо вернуться и забрать всё, что можно. Неизвестно, сколько ещё придётся прятаться. Судя по всему, сезон сменяется, и может стать совсем холодно, — её голос звучит увереннее, несмотря на стук зубов.

Мы некоторое время препираемся. Мне не нравится идея возвращаться в шалаш за ножом и зажигалкой. Их ведь там уже может и не быть. Нет сомнения, что шалаш был обнаружен и обыскан. А ещё там может быть засада. Но если и правда будет холодать, то мы рискуем окочуриться в одну из ночей.

— Ладно, твоя взяла, — с неохотой выдавливаю я.

— Трэй… — дрожащей рукой она гладит меня по плечу — хочет успокоить.

Спать совсем не получается, слишком холодно, и наутро, не дожидаясь рассвета, мы собираемся в путь. Обсуждаем наши действия на случай засады. Она предлагает разделяться, но я настаиваю, чтобы мы оставались вместе. Неизвестно, кто из нас им сейчас нужнее. Идти в полной темноте непросто — какая-нибудь мокрая ветка то и дело больно хлещет по лицу. Змей не видно — они, скорее всего, забрались в норы и пережидают похолодание. Дорога занимает почти три часа. Светает, когда мы уже почти на подходе к нашему убежищу. Вокруг подозрительно тихо. Даже утренние птицы поют будто приглушённо.

«Может, и на них подействовала прохлада?»

— Рав! — я хватаю девушку за локоть и резко тяну к себе. В полуметре от её ноги, обвивая трухлявый пень, тонкой чёрной лентой извивается змея.

— Спасибо, — сдавленно произносит она. — Видимо, будет теплеть. Выползают на солнце.

Я киваю, соглашаясь с Равартой, и мы подбираемся к шалашу, озираясь по сторонам. Мы осторожно раздвигаем ветви и заглядываем внутрь убежища, ожидая встретить там всё, что угодно. Переглядываемся. Всё, кажется, так, как мы оставили в тот день. Я забираю нож и лом, Раварта берёт зажигалку, проверяет, не отсырела ли та. Исправна.

— Хочется здесь немного побыть, я уже почти стала считать это место своим домом, — произносит она грустным и немного потерянным голосом.

— Это теперь в прошлом, нужно искать новое убежище, — я стараюсь не позволить нам обоим потерять бдительность. — Надо уходить.

— Да, уходим, — она кивает, и в её глазах мелькает печаль.

Мы выбираемся наружу. Всё тихо, подозрительно тихо. Мы решаем, что безопаснее пока остаться здесь, неподалёку от шалаша, раз никого нет поблизости. Разгуливать по острову сейчас не стоит. Нет сомнения: убежище уже осматривали. Но старый ломик и обугленный нож, видимо, никого не заинтересовали.

— Давай здесь пройдём по знакомым тропам, а вечером выйдем к берегу и осмотримся, — предлагает Раварта.

— Я только за то, чтобы сначала вздремнуть немного и, вдруг ночью опять не сможем.

Раварта кивает, и мы ищем кусты погуще, чтобы там растянуться и восстановить силы. Под вечер Раварта будит меня.

— Уже почти вечер, мы проспали часов семь или даже больше, — говорит она мне всё ещё заспанным голосом. — Хочу пить.

Мы отыскиваем источник, с жадностью глотаем воду, которая чуть холоднее, чем обычно. В пустом животе урчит, но у нас есть план: двигаться к берегу. Вдоль ручья почва влажная. Мы обмазываемся ею, чтобы обновить камуфляж. Солнце скоро сядет, и грязь на шее и руках не будет сохнуть быстро. Осторожно перемещаемся от одних кустов к другим. Чем ближе к берегу, тем реже становится лес. Нужно держать ухо востро.

— Там шорохи! Все сюда! — словно гром раздаётся мужской командный голос откуда-то справа.

«Нас засекли?»

Мы ныряем в кусты рядом с соснами к югу от нас. К нам приближается отряд. Удаётся насчитать двенадцать человек. Все вооружены до зубов. Видимо, они регулярно прочёсывают прибрежные окрестности. Скорее всего, мы попали под очередной рейд. Раварта замирает, настороженно осматриваясь, как ящерица на камне. Солнце опускается всё ниже. Это должно нам помочь остаться незамеченными. Один за другим четверо военных проходят мимо нас. Дула их автоматов то и дело шарят по сторонам, высматривая человеческую мишень. Ещё двое поворачивают в сторону берега, не доходя до наших кустов. Ещё двое идут той же тропой, что и первые четверо. Один из них, с яйцевидным лицом и беспокойно бегающими глазками, внезапно останавливается. И тут происходит нечто катастрофическое — наши с ним глаза встречаются. Он смотрит на меня в упор.

— Эй, кто там! — тихо, но уверенно спрашивает он, целясь в нас. Я не свожу с него глаз, пытаясь сообразить, действительно ли он нас засёк или ему показалось.

— Там двое! — коротко рапортует он своему сослуживцу.

И тут меня осеняет: он дихромат, мутантный дальтоник. У таких людей дефицит восприятия красно-зелёного спектра, но благодаря этому они лучше распознают камуфляж. *«Нас раскрыли»*. Я хватаю Раварту за руку, и мы что есть силы мчимся в чащу, прочь от прибрежной зоны. К щекам приливает кровь, становится невыносимо жарко. С едва слышным гулом пуля проносится мимо уха, вырывая кусок коры у ствола древовидного можжевельника. В вибрирующем воздухе терпкий аромат древесного эфирного масла смешивается с нотками гари и дыма. Кажется, ещё чуть-чуть, и маслянистый воздух вспыхнет и оплавит всё вокруг огненной стеной.

За нами погоня, но этот участок острова мы знаем значительно лучше, чем наши преследователи. Мы петляем изо всех сил, стараясь запутать бойцов. В какой-то момент спереди раздаются шорохи, треск веток. Кто-то решил пойти наперерез. Мы резко сворачиваем вправо. Сколько мы так ещё продержимся? Слева и чуть спереди раздаются выстрелы. И через мгновение кто-то вопит во всё горло от боли, там, позади нас, метрах в пятидесяти.

«Попали в своего же. Что за идиоты!»

— Не стрелять, у нас раненый! Отставить огонь! — раздаётся позади командный голос.

Похоже, те, кто хотел нас перехватить, теперь присоединились к тем, кто гнал нас сзади. Перепалка нам на руку. Им придётся кого-то оставить с раненым. Темнеет всё быстрее, и уже почти ничего невозможно разобрать. Мы останавливаемся, чтобы отдышаться.

— Ты как? — шёпотом спрашиваю Раварту, прижавшуюся к стволу дерева.

— Пойдёт. А ты? — она старается восстановить дыхание.

— Ноги стёр в кровь, но ещё побегаю, — я улыбаюсь, но, наверное, сейчас это скорее оскал загнанного зверя.

Переклички солдат слышны отчётливее. Что делать дальше? Удастся ли пересидеть в очередных зарослях или схорониться под массивной корягой? Бойцы уже близко. Мы срываемся и бежим к знакомому кустарнику: там, за ним, небольшая полянка, а потом подъём в гору.

— Трэй, ты слышишь? — совсем шёпотом произносит Раварта и указывает в сторону полянки.

От увиденного у меня перехватывает дыхание, а коленки начинают дрожать.

Пять крупных хищных кошек крадутся по травянистому настилу. Мы их вовремя разглядели, а вот солдаты — нет. Прыжок. Ещё один. За ним третий. И три массивных силуэта, словно пренебрегая гравитацией, перелетают половину поляны и ныряют в чащу. Хищное рычание, вопли, протяжные страшные стоны, беспорядочная пальба. Выглянув из-за веток, я вижу, как одна из кошек вгрызается в горло коренастому вояке — он уже не сопротивляется. На острове мы уже давно осознали, что природа может убивать не хуже бойцов Корпорации. Стрельба не прекращается ещё около получаса. Всё, что нам остаётся, — это ждать. Пусть одни звери расправятся с другими.

Мимо наших кустов проносятся два вытянутых силуэта. Это, видимо, те хищники, которые решили не связываться с вооружёнными людьми. Постепенно всё смолкает. Обе стороны понесли ощутимые потери. Скольких бойцов ранили или убили? Сегодня мы на стороне кошек. Но только сегодня. Раварту трясёт — это нервный озноб вперемешку с истощением.

— Давай вдох и медленный выдох, — я накрываю её ладонь своей и опускаю ей на живот, стараясь успокоить. Мы толком не ели уже несколько дней. Долго мы так не протянем. Нужен белок, желательно животный.

Раварта постепенно успокаивается, но истощение никуда не денется.

— Трэй, как думаешь, у них есть еда, там, на базе? — она указывает глазами куда-то вверх. Я знаю, к чему она клонит. Сам думаю об этом же второй день. У них там точно должно быть съестных припасов навалом. Плевать, что они с ГМО. У меня, вроде, аллергии на это дерьмо нет.

— Ты потерпишь до утра? — робко спрашиваю я у возлюбленной. — Надо продумать, как подойти незамеченными.

— Да, тем более сейчас такой переполох, к утру всё стихнет.

— Мы затаимся рядом с их лагерем, — пытаюсь подобрать нужные слова. — Там, наверху, и сопрём, что нужно, пока тихо.

Эта мысль меня греет. План абсолютно безумен, но больше бегать и прятаться мы не можем. Надо и оружием обзавестись, и обстановку разведать. К тому же мне не даёт покоя то, что скрывается под изувеченной металлической конструкцией. Что таит в себе холм?

Мы выжидаем ещё несколько часов, пока не наступит глубокая ночь. Она столь же холодна, как и прошлая. Мы медленно огибаем холм, так, чтобы отойти от той тропки, что сами же некогда проложили. Наверняка солдаты ей и пользуются.

Обессиленные, мы медленно, шаг за шагом, стараясь не выдать себя ни единым звуком, крадёмся к вершине холма. Холодный свет луны отражается от влажных листьев и стволов. Вокруг всё словно посеребрили. Лёгкий ветерок обдаёт холодом, заставляя кожу ощетиниться мурашками. Раварта спотыкается о корягу и падает на мокрый грунт. Я помогаю ей подняться и отряхнуться, обхватываю её за талию, и так мы идём дальше. Мы совсем выбились из сил. Мы оба на грани истощения. В нашем мозге есть ретикулярная формация. Это энергетическая сердцевина нашей нервной системы. Она собирает информацию практически от всех органов чувств, фильтрует и дальше отправляет пачками импульсов в кору. Эта ретикулярная формация помогает нам проснуться с утра, и она же даёт нам сил и бодрости в те моменты, когда мы уже, казалось бы, готовы совсем сдаться. Достаточно увидеть впереди хотя бы малюсенький огонёк надежды, и ретикулярная формация разгонит внутреннюю печь мозга, зажжёт кору больших полушарий, заставит взбодриться и двигаться дальше. Как же нам сейчас с Равартой не хватает этой искры — искры надежды и веры в себя.

И всё-таки мы шагаем, пусть и еле волоча ноги: мы придумали себе цели на сегодня — узнать, что там внутри, раздобыть запасы продовольствия, отобрать оружие. К тому моменту, как мы почти достигаем вершины холма, ночь ещё полностью властвует в небе. Жестами я прошу Раварту остаться на месте, а сам отправляюсь на разведку через заросли кустарника.

Вместо привычных изуродованных металлических конструкций вершину теперь венчает то ли шатёр, то ли огромная палатка. Плохо видно в сумерках. Медленно перемещаюсь по дуге, чтобы увидеть как можно больше. Засекаю лишь двух дозорных. Один прохаживается вдоль стены, а другой караулит у входа. Есть ли внутри ещё солдаты? Много ли их там? Замечаю разбросанные по склону камни, вперемешку с песком. Их, видимо, выкопали, когда возводили сооружение. Я беру булыжник и швыряю наверх, ближе к кромке склона метрах в десяти от своей засады. Камень глухо бьётся о породу. Дозорный у стенки замирает и поднимает винтовку.

«Ну давай, иди ко мне, дружок».

Солдат мешкает, идёт к караульному у входа. О чём-то беседует, а затем направляется в ту сторону, куда я бросил камень. В этот момент я беру ещё один и кидаю в ту же сторону, только чуть дальше к склону. Солдат настораживается и медленно крадётся к источнику шума. Я знаю, что меня он не может разглядеть сквозь заросли, но я должен быть готов к любому сценарию. Тем временем солдат озирается по сторонам, стоя у самого склона. Шаг. Ещё один робкий шаг. Это мне и нужно. Боец спускается всё ниже. Он буквально в полутора метрах от меня. Ещё шаг, и ещё. Я резко хватаю дозорного за ногу, валю на землю и оглушаю ударом камня. Он издаёт негромкий возглас. Я замираю. Второй должен сейчас прибежать.

Но почему-то его нет. Выжидаю несколько секунд и принимаюсь стаскивать одежду с дозорного. У меня есть меньше минуты, чтобы переодеться, не вызвав подозрений второго сторожа. Я выхожу к шатру, поправляя рукав. Одежда сидит чуть мешковато: боец оказался крупнее меня, но ненамного. Начинает светать, но пока ещё достаточно темно, чтобы остаться неузнанным.

— Что ты так долго там, Генри? — кричит мне солдат у входа, когда я подхожу к самой стене. — Отливал, что ли?

— Угу, — мычу я в ответ и делаю вид, что осматриваю винтовку.

— Иди сюда, я тоже хочу отлить. Вместо меня постоишь.

Вот, значит, почему он не пошёл проверять первого дозорного. Им, видимо, нельзя покидать пост у входа. Я медленно приближаюсь к бойцу, стараясь не выдать себя сразу.

— Ну чего ты там плетёшься? Хочешь, чтоб я обоссался?! — его голос звучит раздражённо.

Я ускоряю шаг, подхожу вплотную к бойцу и понимаю, что он, наконец, осознал, что я не Генри. С размаху бью его прикладом в переносицу. Он с грохотом валится на землю. Оттаскиваю его тело в кусты, туда, где лежит второй. Снимаю пояс и засовываю обоим в рот фуражки вместо кляпов.

Иду за Равартой. Она шарахается, собираясь меня ударить.

— Это я, милая. Неужели ты не видишь?

— Чёрт, Трэй, ты меня совсем испугал. Я уж думала, тебя схватили.

— Давай, пошли скорее.

Теперь у нас обоих по винтовке. Это модификации некогда популярной М-16, но точную модель я не знаю.

Я слегка отодвигаю завесу, которая закрывает вход в тент, и бросаю внутрь булыжник. Слышен звук битого стекла. Но ни единого шороха. Медленно заглядываю внутрь. Взгляд натыкается на ряды стеллажей с какими-то непонятными предметами. Центральный люк ограждён перилами, и снизу идёт свет. Осматриваюсь. Ни единой души. Раварта зашла внутрь и теперь дышит мне в шею. После холода её дыхание кажется обжигающим.

— Где все? — изумлённо спрашивает она.

— Не знаю, может, там, — я указываю на люк.

Мы подходим ближе к свету, исходящему откуда-то снизу. Сердце колотится. Сейчас мы увидим то, что было скрыто почти от всех жителей Аридафии, то, что нас некогда страшно напугало. Я заглядываю внутрь. Цилиндрический спусковой ход. Он открыт и совершенно свободен. Там, внизу, виднеются блики на светлых стенах. Хватаюсь за перила и спускаюсь по отвесной лестнице. Она доходит почти до пола. В шестигранном помещении — металлические стеллажи, полки которых заставлены множеством пробирок. В самом углу ещё один люк. Мы спускаемся на уровень ниже и попадаем в просторное помещение со съестными припасами. Здесь центнеры еды: консервы, прессованные протеиновые брикеты, ящики с овощами и фруктами, огромные вакуумные хлебницы, пачки молока, сока и компотов.

— Это же… — Раварта едва себя сдерживает.

— Да, мы сумеем на славу подкрепиться, — говорю я ей, бросая винтовку и хватая банан из ближайшего ящика с фруктами.

Мы жадно поедаем всё, что попадается на глаза. Иногда мы смешиваем то, что никогда бы не стали есть в обычной жизни. Арахисовая паста неплохо заходит с огурцом и консервированным тунцом. А в молоко Раварта зачем-то доливает кленовый сироп. Сейчас я на удивление рад генномодифицированной еде, словно чему-то совершенно необыкновенному. Никогда не думал, что я буду так радоваться мингалосской подкормке. На мгновение я вспоминаю слова президента Рида: «За что вы боретесь?»

«Чёрт, я и сам уже не понимаю, за что мы боремся. Лично я хочу сейчас отомстить за сестру. Раварта, наверное, борется за свободу выбора, который и без того немыслимо ограничен». Через час обжорства кажется, что мы уже никогда не сдвинемся с места. Нам надо скорее набить тюки и убраться подальше. Мне хочется понять, что это вообще за место, но я никак не могу сообразить, что там дальше. В одной из стен складского помещения есть дверь с кодовым замком. И над её входом странная надпись: «Лишь тот, кто ген познал, откроет доступ в бездну».

— Чепуха какая-то, — не сдерживаюсь я и начинаю набирать цифры наобум.

— Трэй, оставь это немедленно! Нас могут засечь. Давай уже убираться отсюда.

— Но там за дверью что-то есть, — в растерянности говорю я. — Это то, зачем мы здесь на самом деле. Каверфол пожертвовал всем, чтобы мы здесь оказались.

— Каверфол сумасшедший. Здесь просто очередная лаборатория корпоратов, вот и всё.

— Трэй, я почти собрала всё, что нам нужно, пора сваливать. — У неё в руках увесистый мешок. Видимо, она высыпала зерно из какого-то мешка и засунула в него всё, что посчитала съедобным.

Дверь тем временем неприятно пищит, отказываясь открываться. Здесь какой-то хитроумный код. Но должна же быть подсказка. Не могли же нас сюда отправить без подсказки. Что это может быть? Какова логика того, кто придумывал код?

— Трэй! — Раварта переходит на крик. Она уже почти собрала второй мешок с припасами.

Она подходит ко мне и принимается трясти изо всех сил. Я, словно в трансе, продолжаю вчитываться в надпись над дверью: «Лишь тот, кто ген познал, откроет доступ в бездну». Наконец я словно на автомате взваливаю на спину мешок с едой и неохотно следую за возлюбленной. Постоянно оглядываюсь на дверь, словно помешавшийся. Что там такого? Какой главный секрет не хочет нам раскрывать остров?

В полутрансе я выбираюсь наружу, и мы бежим по лесной чаще. Почти не ощущаю тяжести в желудке. Каким-то чудом мы оказываемся на том же месте, где пытались уснуть прошлой ночью.

— Они точно решат прочесать весь остров. Нам нужно пробираться ближе к шаттлам, — констатирует Раварта.

— И дальше что? — интересуюсь я, запихивая в рот горбушку чёрного хлеба, словно боясь, что она вот-вот зачерствеет у меня в руках.

— Думаю, надо угнать шаттл и сматываться отсюда.

— Нет, мы так и не узнали, что там внутри, — еле выговариваю с набитым ртом.

— Там внутри лаборатории, и больше ничего! — шипит на меня возлюбленная.

Сгорбившись, она нависает надо мной. Видимо, после истощения эмоциональное перенапряжение даётся ей особенно тяжело.

— Ладно, ладно, успокойся. Пусть и лаборатории. Но, быть может, они особенные. Может, они выращивают редких мутантов?

— Даже если и так! И что нам с того?

— Нам нужно это выяснить, чтобы…

— Чтобы что?! — она трясёт головой, скрещивая руки на груди.

— Чтобы раздобыть информацию для Восстановителей, — я опускаю взгляд в песок, разглядывая редкие пожухлые травинки.

— Ты понимаешь, что нас здесь просто пристрелят, и никакой информации мы никому не расскажем? Мы и так выяснили достаточно: здесь есть эндемичные виды, как ты их называешь, есть хищники и другие животные. На острове сохранились природные виды. Этого достаточно. Рай закончился.

Мне не хочется так просто сдаваться, но Раварта права. Сунемся ещё раз под купол шатра — нас грохнут. Скорее всего, после инцидента с кошками вояки решили заночевать на берегу. А теперь отправили отряд, чтобы прочесать холм в поисках пропавших… и нас.

— Чёрт! Всё напрасно! — с досадой выдыхаю я и громко кашляю — крошка попала не в то горло.

— Да нет же, я повторяю тебе: мы многое узнали. Пора назад, — она присаживается рядом на корточки, легонько стучит мне по спине и кладёт голову на плечо.

— Неплохое такое свадебное путешествие у нас вышло, да? — подшучиваю я, сдерживая кашель. Чёртовы рефлексы.

— Ну, если бы была свадьба, — она словно не поняла моей невесёлой шутки.

— Ладно… — Я обдумываю слова Раварты. — Может, и правда пора убираться отсюда.

— Отлично. Тогда угоняем корабль. С управлением быстро разберёмся.

У меня дурное предчувствие. План безумно рискованный, но вариантов немного. Рано или поздно нас либо сожрут кошки, либо пристрелят бойцы Корпорации. Мы решаем спуститься к берегу, туда, где пришвартованы три десантных судна. Неподалёку болтается шаттл, на котором прибыли мы. Если не удастся угнать десантный корабль, попробуем улизнуть под водой на своём шаттле. Топлива хоть и немного, но осталось. Может, миль семьдесят пройдём. А затем, видимо, придётся дрейфовать. Но всерьёз думать о подобном раскладе не хочется.

Глава 7

День клонится к закату, но солнце ещё горячее. Мы выходим к прибрежной зоне, стараясь держаться как можно дальше от тех мест, где нас обстреляли в прошлый раз. Весь расчёт на то, что часть бойцов отправили сторожить вход в подземный комплекс, а часть прочёсывает остров. Из плюсов: у нас есть винтовки, и мы явно бодрее, чем с утра.

— Два судна сцеплены вместе, рядом большая полевая палатка прямо на берегу. Третье судно пришвартовано отдельно. Там один в рубке, двое на корме, лениво пинают что-то. На палубе чисто, — озвучиваю я Раварте, скользнув взглядом по прицелу.

— Ага, — устало произносит она через полминуты. — Попробуем угнать третье?

— Ну да. Выбор невелик. К тому же оно ближе всего к нашему шаттлу.

Некоторое время мы наблюдаем за поведением бойцов. Несколько человек регулярно обходят берег. Кто-то выходит из палатки и сменяет караульных на судах. Скоро начнёт темнеть, и есть шанс пробраться незамеченными. Нужно успеть, пока не зажгутся огни светосети. Приходят сменщики, их почему-то двое. Трое уходят в палатку. Сменщики не спешат в рубку, видимо, хотят побыть на воздухе после духоты. Оба идут на корму — наверное, у них там есть какие-то свои развлечения. Это наш шанс.

Мы осторожно выглядываем из прибрежных кустов и ползём к носовой части корабля. Она скошена и напоминает свиное рыло. Мы бегло осматриваем автоматическое швартовочное устройство — нечто вроде якоря-«кирки», который выдвигается из носа корабля и врезается в грунт. Такой механизм должен управляться из рубки. Боковой трап выполнен из материала, похожего на липкий пластик. Идти по нему босыми ногами трудно — с каждым шагом кажется, будто кусок кожи останется на ступеньке.

Задача Раварты — как можно тише пробраться в рубку и затаиться там. Я должен быть на стрёме, пока она разберётся с управлением. Вот мы уже на борту. Дверь в рубку приоткрыта. Раварта проскальзывает внутрь. Я держу винтовку наготове, руки дрожат от напряжения. Что-то меня смущает в нашем плане. Что-то здесь не так. Не может быть всё так просто. Не успеваю я об этом подумать, как повсюду загораются огни светосети.

«Только этого нам ещё не хватало».

— Эй, кто там? — слышу окрик одного из бойцов с кормы.

Они увидели мой силуэт и несутся сюда. Зачем-то бегут по узкому борту друг за другом. Когда первый приближается, я бью прикладом, целясь в нос, но боец уворачивается, бьёт меня в плечо. И в этот момент судно словно подпрыгивает — Раварта отшвартовывает его. Мы падаем. Боец, который стоял за спиной первого, выхватывает пистолет и стреляет; лёжа, я едва успеваю увернуться. Приподнимаюсь и стреляю из винтовки, попадаю ему в руку. Ближайший ко мне солдат набрасывается на меня с кулаками.

— Не убивать! — раздаётся командный голос откуда-то издалека.

С берега спешат несколько человек — солдаты и двое офицеров. Я понимаю: Раварта не успела полностью отшвартовать судно, и сейчас военные будут здесь. Надо её предупредить. Собрав волю в кулак, я напрягаюсь, отталкиваю бойца, но тут же получаю от него прикладом автомата в лоб. Удар несильный, но на несколько секунд он меня дезориентирует. Во мне просыпается дикая, звериная ненависть. Нельзя. Невозможно так запросто здесь сдаться!

«Я должен их разорвать. Пусть эти твари слизывают свою кровь с моих ступней!»

Я кидаюсь на солдата и, теряя последние остатки самоконтроля, бью его прикладом своей винтовки по шее, рукам, лицу. Отбрасываю винтовку и пытаюсь пальцами выдавить ему глаза. Мне кажется, вместо пальцев у меня когти, и я рычу во всё горло, как зверь. Меня хватают и оттаскивают в сторону.

Успеваю разглядеть Раварту. В её глазах застыл ужас. Её руки заломлены, но не это её так испугало. А я — зверь, который проявился снова.

«Что со мной происходит?»

Несколько тяжёлых ударов в живот и голову. Во рту солоноватый привкус с нотками железа — горько-знакомый.

— Вяжите его! — звучит голос офицера.

Нас стаскивают на берег и крепко связывают. Почему бы им нас просто не убить? Здесь и сейчас. После всего того, что мы натворили. Мы сидим у самого носа корабля.

— Ты Трэй Коулман? — орёт мне в лицо майор.

— Я твоя заноза в заднице, сраный пёс Корпорации, — выдавливаю я из себя, пытаясь проглотить сгусток крови.

Тяжёлый удар в нос.

— А так?

— Ахах, я большая заноза…

Ещё удар, затем ещё и ещё.

— Ну ничего, ты ещё попляшешь у меня.

— Босс, их надо скорее грузить, времени мало, надвигается Щит, — подбегает второй офицер с донесением. Лицо у него ещё моложавое, но озлобленное.

— Да, я помню. Вертушки скоро там? — Его широкое, чуть смуглое лицо искажает отвращение. Что-то идёт не так, как он рассчитывал.

— Около двадцати минут.

— Собираемся. Передайте людям сверху, что им нужно выдвигаться к «Трёхсотому». Если не успеют, протокол самоуничтожения им известен.

— Да, сэр, — отвечает молодой офицер. — А ведь этим сукиным детям могло и повезти, если бы прибыли на остров чуть позже…

— Не болтай чепухи! Мы бы их давно схватили, если бы не эти твари. Иди собирай людей!

«О чём это они? В чём нам могло повезти? И что это там за Щит надвигается?»

Минут через двадцать с лишним на берег приземляются два вертолёта. В один из них заталкивают нас с Равартой. Трое людей в масках нацеливают на нас автоматы. Видимо, мы для них настолько опасны, что держать нас просто связанными недостаточно.

Мы поднимаемся. Солнце почти скрылось, и небо грязными подтёками оплакивает наше пленение. Начинается дождь. Тяжёлые капли атакуют стекло боковой дверцы вертолёта. Я в последний раз окидываю взглядом остров. Тёмные изгибы двух холмов и полумрак береговой линии выглядят непривычно с высоты. Яркая молния разламывает небо, и на просветлевшем фоне проступают странные силуэты. Какие-то вытянутые фигуры — то ли ромбы, то ли длинные прямоугольники — проявляются на озарённом светом небе.

Я резко подаюсь вперёд, ближе к стеклу, чтобы разглядеть, что там. Ещё одна вспышка вырывает из темноты детали силуэтов — то ли металлические щупальца, то ли захваты. Силуэты трансформируются и теперь напоминают каких-то громадных жуков. Подобных воздушных судов я никогда не встречал.

Раздаются звуки, похожие на раскаты грома, но что-то в них выдаёт их неестественное происхождение. Они заставляют весь корпус вертолёта вибрировать.

«Что же это такое?»

— Рой, гони резче! Надо убираться отсюда, пока не поздно, — откуда-то из глубины вертолёта кто-то командует пилоту.

«Почему эти люди должны гнать? Это же корпораты. Они везде власть. Чего они так боятся?»

Я вглядываюсь в теперь уже мрачно-чёрное небо в надежде разглядеть ещё хоть что-то. Меня резко дёргают назад и оттаскивают от окна.

— Нечего тебе там смотреть, малой. — У одного из людей с оружием слезла маска, обнажив морщинистое лицо. Из его рта доносится гнилостный запах, смешанный с табаком и чем-то едким. Меня выворачивает — всё, что мы съели вечером, выходит наружу.

— Кто-нибудь, вытрите ему лицо! — командует голос из глубины.

Старик сдёргивает с себя полотняную маску и пытается вытереть ею мне рот и подбородок, от чего к горлу снова подступает тошнота. Сильный удар в затылок. Перед глазами вспыхивают искры, их сменяют тёмные пятна. Меня начинает трясти, и я отключаюсь.

Глава 8

Глаза с трудом разлепляются, и сквозь тонкие щёлочки бьёт раздражающий бело-голубой свет. Стены будто испускают энергию, в попытке ослепить. Я пристёгнут захватами для ног и рук к массивному креслу. Сквозь резкий, озоновый запах наэлектризованного воздуха пробивается букет едкого мужского парфюма: ноты ели, амбры, кордовской кожи и чего-то ещё.

«Я в Мингалосе».

На фоне белой стены появляется силуэт человека — обладателя столь изысканного парфюма.

— Оставьте нас. Я поговорю с ним сам, — неприятный, скрипучий голос принадлежит мужчине средних лет.

Позади меня приглушённые звуки удаляющихся шагов. Свист задвигающейся створки двери. Я верчу головой, но вокруг лишь размытые очертания, словно смотрю сквозь мыльную пену.

— Вам, наверное, интересно, где вы сейчас находитесь, мистер Коулман? — Его голос превращается в невообразимо противный, шелестящий шёпот. Интонации подчёркивают абсолютную уверенность в собственном превосходстве.

— Вы всегда так мерзко говорите или это какой-то идиотский электронный преобразователь в ваших голосовых связках? — в робкой попытке спасти свои барабанные перепонки, раздражённо спрашиваю я.

В помещении повисает тишина, которая затем сменяется скрипучим хохотом, похожим на скрежет металла о металл.

— Да заткнётесь вы уже или нет! — не в силах себя сдержать, ору я.

— Вы привыкните, мистер Коулман, я вам гарантирую.

— Так где я и кто вы нахрен такой?!

— Вот уже ближе к делу. Меня зовут Томас Бойм, мда… — он делает небольшую паузу, словно испытывает экстаз от произнесения собственного имени. — Вы находитесь в секретном отделе центрального госпиталя Корпорации «Плазмида». Вам сильно повредили зрительные области мозга и сетчатку. Видимо, вы слишком сопротивлялись. Наши врачи практически всё восстановили. Однако какое-то время у вас ещё будут проблемы со зрением, затем всё придёт в норму.

— Когда?!

— Обещают, что через месяц или два. Но вы не переживайте. На суде вам это не пригодится. Мда, — хихикает Бойм.

— На каком ещё суде… ах да, на вашем карманном судилище с надрессированными судьями, — я стараюсь держать в поле зрения размытый силуэт, но даётся это с трудом: глаза слезятся, и то и дело приходится их сильно зажмуривать. Кажется, мне специально решили устроить пытку, нанося удары по всем органам чувств.

— Полегче, мистер Коулман, я вхожу в Совет Правительства «Плазмиды». И моя задача во всём разобраться. Вы принесли немало бед не только Корпорации, но и всей Аридафии.

У Корпорации есть Совет, состоящий из шести человек, именуемый также Правительственным Советом. Это те люди, которые, по сути, и вершат судьбы в Аридафии. Любой их приказ должен быть исполнен незамедлительно. С двумя членами Совета я уже знаком: с Альбертиной Инваритте, входящей также в состав правительства Мингалоса, и с президентом Кейном Ридом.

— Да пошёл ты, мерзкая крыса! — я плюю в сторону силуэта, но, кажется, промахиваюсь.

— О, о ваших привычках плеваться мы наслышаны, — гогочет Бойм.

— Ещё бы, сукины дети! Чтобы вы все сдохли, обожравшись вашими же ГМО.

— Понимаю ваше негодование, мистер Коулман. Вы вообще нас крайне удивляете своей идиотской непоследовательностью. Да-да! — силуэт Бойма движется по дуге, стараясь держаться от меня подальше, пока вовсе не заходит мне за спину. — Нашли то, что искали на острове?

— Что вы имеете в виду?

— Сами знаете. За такое ведь уже предусмотрена высшая мера. — Кислый запах из его рта смешивается с резким парфюмом. — Да-да!

— Да я вообще понятия не имею, о чём вы, чёрт побери!

— Думали, вот так просто сбежите, и всё? — с нотками едкой желчи в голосе цедит мне на ухо Бойм.

— Нет, хотел отдохнуть на курорте, а потом вернуться с новыми силами. — Ничего не остаётся, кроме как подключить иронию. Мне не нравятся все эти провокации.

— А ведь ваш план почти удался. Да-да!

— И не говорите. Наотдыхался вдоволь.

— Я всё не могу вас понять, мистер Коулман. Вот вы утверждаете, что употреблять в пищу ГМО не следует, но сами, как учёный, понимаете, что мы не прокормим такую ораву людей природными, полудохлыми экземплярами. И продолжаете упорствовать. Да-да?

— Вы что, дадаист?

— Кто, простите?

— Зациклили «Да-да». Манифест, что ли, читаете?

— Хе-хе-хи. Хи-хи-хи. Остроумный какой! Но вы так и не ответили на мой вопрос — что же вы так упорствуете?

— Я сражаюсь за свободу выбора, этого вам, видимо, не дано понять.

— Какого выбора? А?

— Использовать ГМО или нет? Жрать ваши напичканные химикатами растения или нет? Кормиться из лесов и рек, в конце концов.

— А знаете ли вы, — он подходит ближе и шепчет на ухо, — что раньше люди сами втихую воровали генномодифицированные образцы семян и зародышей у компаний-производителей? И делали они это потому, что считали их великим благом! Да-да!

— Я вам не верю! — в ярости говорю я.

— Да-да, — он говорит с придыханием, словно обезумевший колдун, погружённый в собственный морок. — Времена были другие. Фермерам нужно было выживать.

— Тут либо используй гербициды и устойчивые к ним генномодифицированные культуры, либо по миру пойдёшь. Нам в этом плане гораздо легче. Люди ещё ведь и судились с корпорациями за право использовать запатентованные семена, а с нами сейчас никто не судится. Просто теперь в законе чётко прописано, что только наши семена, только наши генномодифицированные виды сельскохозяйственных и домашних животных. Все под нашей колбой! Да-да! И нет никаких проблем. Хи-хи-хи.

— И прописано это с подачи Совета Корпорации.

— Совершенно верно! Это было самое мудрое решение. Да-да! Хи-хи-хи.

Он отходит от меня, будто разглядывает, изучая. Но я не могу быть в этом уверен, никогда не знаешь, чего ожидать от подобных садистов.

— Да уж.

— Ну а вас, мистер Коулман, ждёт наш беспристрастный суд. А-ха-ха. А пока вас будут долечивать. Да-да!

— Где Равarta?!

— С ней всё в порядке, она в тюрьме, ожидает своего приговора.

Бойм удаляется, а из глубин помещения выкатывается тележка. Острая игла вонзается в шею, и я теряю сознание.

Сквозь наркоз до меня доносятся неясные возгласы врачей, техников, медсестёр. Меня постоянно накачивают седативными препаратами, от которых сознание застилает пелена. Функции моей ретикулярной формации подавлены: ей не позволяют в полной мере активировать кору. Я оторван от мира и заперт внутри омута собственных мыслей. Иногда сквозь проблески прояснённого сознания я отмечаю окружение светлой палаты, потом меня куда-то везут по длинному светлому коридору. Мимо проносятся стройные ряды огней, мигающих, словно звёздочки. Иногда мне кажется, что они не только мигают, но и тикают — тик-тик-тик. Как скоро я сойду с ума? Однажды сквозь едва разлеплённые глаза я вижу нечто такое, от чего по спине пробегает холодок, и это несмотря на моё пришибленное и вечно сонливое состояние. Рядом со мной лежит фиолетовое существо с зеленоватыми прожилками по всему телу. Голова его вытянута и будто заостряется к макушке. Конечности длинные, трубчатые, костлявые, будто у человека-гиганта, страдающего анорексией. Три, нет — четыре пальца. Внезапно его костлявая грудная клетка выгибается дугой, он шипит и дёргается во все стороны. *Что это такое?!*

— Увозите тело, с этим покончено, — слышится волевой голос медсестры.

Каталку с существом куда-то укатывают. Я едва могу пошевелить головой. Пытаюсь что-то сказать, но понимаю, что во рту трубка. Под давлением в лёгкие поступает газ. Вдох-выдох. Я отключаюсь.

Потом я просыпаюсь в кресле-каталке, меня опять везут по просторному светлому коридору, но здесь много бесконечных дверей с овальными окошками. Там, видимо, палаты для других пациентов. Зрение стало немного чётче, но картинка ещё размыта.

— Сегодня вы будете есть сами, мистер Коулман, вас полностью отключили от искусственного питания, — будто из колонки звучит у меня за спиной молодой женский голос.

Меня завозят в безлюдную столовую с синими стенами, которые по периметру пересекают три жирные оранжевые полосы. На вытянутых столах бликует зеленоватый свет. Это место чем-то напоминает одно из главных помещений «Плодородия». Там, на похожих столах, Восстановители вели исследования, готовили еду, делили трапезу. Но это всё в прошлом. Сопротивление уничтожено, я заперт то ли в психушке, то ли в специнтернате, Раварта, скорее всего, уже в тюрьме. Скоро меня осудят и казнят. Вот и всё. А пока меня зачем-то подкармливают, видимо, так я буду выгоднее смотреться на суде. Упитанный, румяный преступник, учинивший столько беспорядков. Будет что продемонстрировать жителям отдалённых регионов. Меня выставят самодуром, безумцем, безрассудным мятежником и вообще кем захотят.

Меня подвозят к столу с подносом, на котором тарелка жёлтоватой жижи и миска каши. Пока я пытаюсь понять по запаху, что за еду мне навалили, в помещение входят ещё несколько человек. Они рассаживаются за разные столы. С трудом поднимаю руку и пытаюсь помахать одному из них, но взгляд у него как будто расфокусирован и туп. Сотрудницы столовой разносят еду вновь прибывшим. Все едят молча. Их, наверное, также накачивают седативными препаратами. Жижа, похожая на тыквенный суп, на удивление, вполне съедобна. Кашу мне есть не хочется. Медсестра подходит и пытается сама покормить меня, но я отворачиваюсь. Тогда меня увозят. Так проходит ещё недели две, может быть, три. Мне больше не вводят препараты, теперь я даже могу гулять по своей одиночной палате. Но зрение улучшается слишком медленно, мир всё ещё похож на расплывшуюся акварельную картину.

Иногда, чтобы вернуться к подобию жизни, я тру запястье — как напоминание о ней. Браслет, который подарила мне Раварта на день рождения, у меня, конечно, отобрали.

Однажды утром моё пребывание в госпитале прерывается.

— Трэй Коулман, одевайтесь, — в палату входят двое мужчин в военной форме.

— Зачем? — неуверенно спрашиваю я, хотя и так уже догадываюсь.

— Вас повезут на судебное заседание, сегодня назначено слушание по делу.

Меня заталкивают в бронированную машину экополиции и везут в городской суд, здание которого находится в шестом периметре. На мне роба болотно-зелёного цвета и какие-то калоши. Руки за спиной в наручниках. Меня хотят выставить сумасшедшим.

Здание суда очертаниями напоминает весы: над двумя приземистыми корпусами-чашами доминирует узкий центральный пилон. Символ справедливости и непредвзятости, который сегодня должен накрениться — на чаше обвинения будет слишком много аргументов.

Меня выводят из броневика, я беглым взглядом окидываю здание суда. Мне отчего-то кажется, что один из его флигелей должен сложиться, словно карточный домик под тяжестью надуманных обвинений. Однажды я прогуливался по Мингалосу и увидел, как отсюда выводили какого-то опасного преступника, а люди вокруг здания кричали ему вслед грубые ругательства. Я тогда поежился, представив себя на его месте. Невыносимо было даже думать об этом. Ничего страшнее суда я и представить себе не мог.

Мы все знали, что суды в Аридафии уже давно не работали честно, особенно если это касалось интересов Корпорации. Жизнь любого, даже самого порядочного человека, могла быть изничтожена, разбита в щепки в одночасье, просто по ложному доносу о выращивании диких овощей или фруктов. Даже единожды попав под подозрение, человек был обречён понести наказание. Оправдательных приговоров по экопреступлениям не было вовсе. Кого-то отправляли на исправительные работы на благо Корпорации, кого-то сажали в тюрьму, а многих и вовсе казнили. Нет, я знаю, что кое-что я всё-таки натворил, но это несоизмеримо с тем террором, который устроила Корпорация. И сегодня мне абсолютно плевать и на суд, и на мнение купленных судей, и на то, что там о себе возомнило руководство Корпорации.

В зале заседаний людно; меня подводят к возвышению, окружённому оградой. Я ищу Раварту или кого-то другого из «Плодородия», но я здесь единственный подсудимый. Неужели её уже осудили и казнили? От этой мысли ноги подкашиваются, а зубы начинают предательски стучать. Но я беру себя в руки, чтобы не поддаться панике и не выдать этим засранцам свой страх. С меня снимают наручники. Когда я встаю на постамент, раздаётся щелчок, и пространство вокруг заполняется лёгким жужжанием силового поля.

Сквозь пелену я оглядываю высокий потолок — ребристый, наклонный, уходящий вверх. Геометрия зала обманчива: он расширяется, точно воронка, в основании которой в ряд расставлены чёрные судейские кресла. Позади них, на стене, — символ объединённой Аридафии: богиня-заступница, защитница оставшегося клочка суши. Грациозным, уверенным жестом она как бы раздвигает контуры овала вокруг себя. Сейчас я не могу рассмотреть это изображение чётко, но помню его, потому что видел много раз. Столько динамики, силы и самоотверженности в этой женской фигуре! Она отдаёт всю себя без остатка ради спасения границ крохотного острова надежды — Аридафии. Её непоколебимая уверенность в будущем нашей страны никак не сочетается с тем позором, который сейчас разворачивается здесь, в месте, где должны восторжествовать правда и справедливость. Меня есть за что наказать, но судить меня собираются не за реальные преступления, а за выдуманные нарушения, которые изобрела в своей болезненной агонии бюрократическая машина Корпорации.

В зал суда неспешно входят трое судей в тёмно-синих мантиях с красными полосками на спинах. Судя по силуэтам, двое мужчин и одна женщина. Один из мужчин-судей занимает центральное кресло. Особого интереса ни к моей персоне, ни к публике я не отмечаю. Приговор давно известен, осталось разыграть спектакль для трансляции этого шоу на всю страну. Судят же особо опасного преступника.

Председательствующий судья требует тишины, и начинается механическое зачитывание бессмысленных в данной ситуации законодательных актов и правил. Кто наделил этих людей правом судить?

Когда мне начинают задавать вопросы, репортёры, работающие на Корпорацию, мгновенно оживляются, но так же быстро сникают. Все вопросы формальные и скучные.

Выступают какие-то свидетели, люди, которых я в жизни не видел. Они зачем-то говорят, что я давно уже занимаюсь контрабандой диких овощей и фруктов. Кто-то из них якобы неоднократно видел меня в поезде по дороге из Тироса — города неподалёку от столицы — будто бы я возил саженцы поселенцам. Свидетели, конечно, подставные. Обычно молодые практиканты из экополиции. Надо же с чего-то карьеру начинать.

Затем выступает мать того самого полицейского, на которого напала генномодифицированная альдрованда:

— Мой сын честно служил на благо Корпорации и всего нашего народа, он… — она громко всхлипывает, делает паузу и сквозь слёзы дрожащим голосом продолжает, — он всего лишь защищал закон, и теперь… он постоянно на лечении, ему дают тяжёлые препараты. Он с трудом узнаёт меня после того кошмара. Этот изверг, — она указывает в мою сторону, — он изуродовал лицо моего мальчика.

Я опускаю голову. Мне искренне жаль эту женщину. Я не хотел, но выбора не было. Либо меня бы поймали и казнили, либо нужно было опрокинуть тот чёртов аквариум с хищными растениями. Я думаю о том, как можно было бы помочь парню, он ведь не многим старше меня. Ему, наверное, и тридцати нет. Лицо ему может восстановить Корпорация, а дальше нужна будет психологическая помощь.

Далее заслушивают профессора Плантикса, которого сперва арестовали, но потом отпустили, и теперь он вновь работает в НИВПР. Именно его ключом я воспользовался, чтобы выкрасть редкие семена природных растительных форм.

Впрочем, он ничего внятного сказать не может, лишь общие фразы о том, что он доверял мне и всем, кого учил.

После допроса Плантикса вызывают ту, кого бы я сейчас меньше всего хотел видеть — Кристини Инваритте, мою бывшую девушку, если её вообще можно таковой назвать. Она входит в зал заседаний чуть сгорбившись и быстро семенит к трибуне свидетелей, которая стоит левее меня и развёрнута так, чтобы всем было видно лицо говорящего. Даже сквозь замутнённое стекло моего зрения я понимаю, что она кидает на меня укоризненный взгляд, затем смотрит на судей и ждёт от них разрешения начать говорить. На ней невзрачное тёмное платье, а на голове — он самый, её фирменный обруч. Он такой ярко-красный, что она кажется мне похожей на клоунессу. Она врёт всем, что обруч распознаёт её эмоции, но это она выбирает цвет. Сама. Под своё дурацкое, изменчивое настроение. И сегодня она выбрала вызывающе-красный. Детский сад.

Я сверлю её взглядом, словно пытаясь выжечь дырку в её виске, чтобы оттуда вытек мозг. Если он там ещё остался.

«Какая же ты всё-таки тупая. Ты могла и вовсе не являться сюда. С твоей влиятельной мамашей отделалась бы письменными показаниями. Ведь специально пришла, чтобы мне паршивее было. Решила устроить публичную порку».

— В каких отношениях вы состояли с подсудимым? — председательствующий судья сразу начинает с провокационного вопроса.

— Эм… — я вижу, как она переминается с ноги на ногу, стоя в своём дурацком платье, — у нас был небольшой роман с Трэ… с подсудимым.

«Фу, какая гадость. Делает вид, будто забыла моё имя. Ты могла бы вмазать мне, плюнуть в лицо, наорать, но вот так при всех называть меня подсудимым. Кристини, что же ты творишь? Одумайся, пока не поздно».

— Как долго вы были вместе?

— Я точно не помню, наверное, около года, может, чуть больше. Я так и не поняла, когда он стал встречаться с этой преступницей.

«Да пошла ты! Сама ты преступница!» — еле сдерживаюсь я, чтобы не заорать на эту безмозглую дуру.

— Когда вы видели подсудимого в последний раз? — продолжает расспрос судья.

— Если сегодня у нас восемнадцатое февраля, то получается, что около шести месяцев назад, в августе прошлого года.

«Это что же получается…» — размышляю я. — *«На острове мы пробыли почти четыре месяца, а потом ещё больше месяца меня держали на принудительном лечении»*.

— Когда вы начали подозревать, что подсудимый, с которым вы состояли в отношениях, может быть причастен к террористической организации под названием «Плодородие»?

— Я… я… э-э-э, не подозревала, я вообще об этом мало что знала. Только когда стали говорить об этом, а потом меня пригласили в головное отделение экологической полиции… и… — она смотрит в мою сторону, — и там уже сообщили, что он связался с этими…

— Спасибо, мисс Инваритте. Вспомните тот день, когда подсудимый украл ключ от хранилищ в Научном институте высокочистых первозданных растений.

Кристини сбивчиво перечисляет все события того дня: как она пришла на работу, как захотела увидеться. Она не хочет упоминать о том моменте, когда я пришёл на их этаж. Подобные переходы с этажа на этаж не приветствуются в Корпорации, и она об этом прекрасно знает. Всё же ей приходится рассказать об этом, хоть и с многочисленными паузами и запинками. Потом она начинает говорить про сигнализацию, и только тут до неё как будто доходит, что на самом деле случилось в тот день:

— Я услышала звук сирены, поспешила вернуться в кабинет, подумала, что, может, ложная тревога, потому что… — она спотыкается и ошарашенно смотрит на меня.

Я не могу в деталях разглядеть как лицо Кристини искажается от удивления, но мне это и не нужно, чтобы понять, насколько она потрясена.

— Продолжайте, мисс Инваритте.

— Потому что там был Трэй, и он должен был бы увидеть, если кто-то… захотел бы украсть ключ. Но… но я даже и подумать не могла, что это мог быть он сам.

— А что же вы тогда подумали? — требовательно спрашивает судья, чуть подавшись вперёд.

— Я… я… подумала, что произошёл сбой в работе магнитной застёжки, такое как-то было у нас, и не придала этому особого значения.

— А что вы делали с подсудимым потом?

— Мы вроде ещё немного посидели, поговорили, и он ушёл.

«Ели мы эти чёртовы булки, а потом мне, конечно, надо было идти, а не с тобой трепаться».

— Мисс Инваритте, как вы оцениваете поступок подсудимого?

— Какой?

— Кхе, кхе… — кашлем делает замечание судья, — вы с нами, мисс Инваритте?

— А… да… я просто сейчас только… Ужасный поступок. Так варварски украсть то, что принадлежит народу Аридафии.

— И какое бы вы наказание назначили подсудимому?

— Я думаю, что…

— Кристини, не надо, ты ничего не знаешь! — отчаянно кричу я. — Не иди у них на поводу!

— Тишина в зале! — кричит судья.

— Высшая мера. Высшая мера, — нервно повторяет Кристини.

— Ах ты тварь! Какая же ты глупая и злая, Кристини! — срываюсь я.

— Удалите из зала подсудимого! Немедленно! — командует судья.

Ко мне подбегают двое полицейских, отключают защитное поле и заламывают руки.

— Какая же ты тупая, Кристини! И мать твоя продажная шкура! Предала свой народ ради сладкой жизни! — ору я, когда меня тащат под руки. — Вы все здесь сборище бармаглотов, казнокрадов и моральных уродов!

Я ору во весь голос, когда мне что-то спешно заталкивают в рот.

— Трэй, приговор, скорее всего, огласят на следующем заседании, — в коридоре ко мне подходит женщина с короткой стрижкой в строгом пиджаке.

— Ву-у-у… — я мычу, пытаясь спросить, кто она такая.

— Я ваш адвокат, Элизабет Гавански. По закону вам положен государственный защитник.

«У меня ещё есть и адвокат. Где же ты была раньше, пока меня пичкали всяким дерьмом в больнице?»

Женщина-адвокат провожает нас до дверей здания суда. Меня выводят на лестницу и тащат под руки к бронированному полицейскому автомобилю. Вокруг — силуэты людей. Огромная толпа окружила машину и гудит. Как только они меня замечают, раздаются выкрики осуждения.

«Смерть предателю!», «Гори в огне со своими террористами!», «Смерть предателю! Смерть предателю!»

Кто они? Сколько им заплатили за этот спектакль? Знают ли они, кто я такой? Вот так, борясь за свободы этих самых людей, ты можешь стать изгоем, грушей для битья, мишенью, на которую выплеснется сублимированный гнев. Что я *вам* всем конкретно сделал? За что вы сейчас меня распекаете? Чего вы боитесь, люди? На глаза наворачиваются слёзы. Всё ещё больше плывёт вокруг.

Несколько полицейских впереди нас разгоняют толпу, расчищая дорогу к дверям автомобиля. Внезапно раздаётся истошный крик: «Смерть извергу Трэю Коулману за всё содеянное, за искалеченные души. Убийца молодых душ!» Голос очень знакомый, я где-то его уже слышал.

Меня заталкивают в бронированную машину экологической полиции и везут обратно в психушку.

Ещё недели три меня водят на допросы в глухую бетонную комнату, пытаясь выбить признательные показания. В общем-то, они им не нужны. Это чистая формальность. Всё равно ведь казнят. Дознавателям будет на руку, если я хоть в чём-то сознаюсь: всё записывается на датчики оптической фиксации, будет что потом показать в новостях.

— Вы признаёте, что осознанно решили причинить вред сотруднику экологической полиции? — в очередной раз меня мурыжат по поводу того инцидента с ядовитой альдровандой.

Я качаю головой, рассматривая блики на столе, похожие сквозь мутную оптику моих глаз на лужицы света. Тогда дознаватель переключается на другой эпизод моих «страшных деяний».

— Вы признаёте, что угнали шаттл, он же манёвренная субмарина модели N-134b, предназначенная для перевозки пассажиров?

Я продолжаю меланхолично мотать головой.

— Пригласите адвоката, — дознаватель поднимается со стула.

Его место занимает уже знакомая мне женщина с коротким каре. На ней то ли синий пиджак, то ли строгая тёмная блузка.

— Трэй, — она пытается звучать ласково, успокаивающе, — вам не нужно соглашаться со всеми доводами полицейских. Но вы можете сказать, что не понимали, зачем это всё нужно, вы можете сказать, что вас втянули в игру против вашей воли. К сожалению, ваш шанс высказаться открыто в суде вы упустили. Судья не желает вас заслушивать после оскорблений в адрес мисс Инваритте. Это нам с вами не на руку.

Я знаю, что в задачу этой женщины не входит меня защищать. Она лишь имитирует роль защитника, как и все ей подобные государственные адвокаты. Ей нужно, чтобы я сказал

хоть что-то, чтобы потом можно было это представить на итоговом заседании. Хотя у них и так предостаточно доказательств: показания Кристини, полицейских, охранников из НИВПР и даже бойцов десантных кораблей.

— Почему на суде не было Раварты? — спрашиваю я.

На мгновение адвокат выглядит сбитой с толку, но тут же находит, что ответить:

— Мисс Раварта Саундерс сейчас в изоляторе для дознания. Но ей ничего не угрожает…

— Хм, кроме смертной казни, — с усмешкой перебиваю я адвоката.

— Ещё неизвестно, возможно, ей назначат в виде наказания пожизненное заключение в колонии…

— Я в это не верю! Её расстреляют! Как и меня! — сипло кричу я, срываясь. — Это дело времени. Цирк будет разыгран, а клоунов — на пушечное мясо!

— Послезавтра окончательное заседание по вашему делу. Если вы раскаетесь, то, возможно…

— Убирайтесь прочь, как вас там… Элизабет! Мне не нужна ваша помощь, я отказываюсь от вашей защиты! Я вам не верю! Вы — шестёрка системы!

— Мистер Коулман, я понимаю ваше негодование, — её голос звучит сердито, почти угрожающе. Она подаётся вперёд, словно хочет задавить меня своим авторитетом. Или что там у неё на уме…

Я вскакиваю с места; мои руки прикованы к подлокотникам, и стул чуть приподнимается. Я разражаюсь отборным матом, достаточно громко, чтобы ей стало обидно и тоскливо от своей никчемности. Она встаёт и быстрыми шагами направляется к выходу.

— Возможно, когда-нибудь вы осознаете, насколько цинично вас поимела Корпорация! — бросаю ей вслед.

Когда дверь захлопывается, я слышу обрывок фразы, который адвокат в порыве гнева бросает одному из дознавателей: «Он непрошибаем, всё это бессмысленно, скорее бы уже… заседание».

«Скорее бы уже от меня избавиться», — вот что она хотела сказать. Неужели люди системы все настолько слепы и наивны в собственном неведении? Они всерьёз думают, что их жизнь чего-то стоит для Корпорации? Их используют как расходный материал, нет, хуже — как отстойники для фекалий, которые моментально сольют после эксплуатации и утилизируют. Этим людям невозможно открыть глаза на происходящее. Им могут под нос подсовывать самые неоспоримые доказательства, факты, но они будут упорно игнорировать их. Отрицание — вот их главная защита. Удобно жить в социальной тьме, уютно спрятавшись за завесой неведения.

Вечером меня сажают в каталку и везут куда-то по очень длинному коридору. Меня завозят в помещение, напоминающее операционную. Я понимаю это по ярким пятнам света на высоких штативах. Слышен звон хирургических инструментов и ещё этот противный звук лазерных и ультрафиолетовых скальпелей. Мы такие почти не использовали в нашей экспериментальной хирургии на крысах, но сегодня крыса — это я. И использовать будут всё, что посчитают нужным. В комнате несколько человек в халатах. Мне вводят снова какой-то седатик, тут же небрежно усаживают в кресло, скорее похожее на стоматологическое, и прочно фиксируют руки и ноги. Створки операционной разъезжаются, и в комнату входит человек в тёмном костюме.

— Что ж, мистер Коулман, на слушании вы вели себя весьма неуважительно по отношению к суду. Это надо исправить, — звучит скрипучий и уродливый голос Томаса Бойма.

— А где там суд? — усмехаюсь я. — Сборище клоунов-недоучек.

— Как член Правительственного Совета, я не могу допустить такого отношения к нашей системе правосудия.

— Да мне плевать!

— Мистер Коулман, вы когда-нибудь слышали что-то о норадреналиновых электродах?

— Нет, заниматься издевательствами — это по вашей части.

— Не совсем, хухухуххихихи, — он противно смеётся. — Но иногда я не отказываю себе в таком удовольствии. Особенно, когда речь идёт о таком упрямце, как вы, Коулман. Да-да!

— Всё, что я считал нужным, уже сказано мной. Остальное всё равно не имеет никакого значения.

— Коулман, — он наклоняется ко мне, чтобы прошептать на ухо, и зловонный кислый запах доносится до моих ноздрей, — вы даже не представляете, на что я способен.

— Да? — язвительно ёрничаю я. — Лучше бы был способен что-то сделать со своим кислотным рефлюксом.

— Норадреналин — это нейромедиатор симпатического отдела вегетативной нервной системы, — игнорируя мой колкий выпад, продолжает Бойм. — Симпатическая нервная система позволяет организму адекватно среагировать на стресс. Норадреналин ускоряет работу сердца, сужает многие сосуды, расширяет бронхи. Всё это даёт возможность человеку убежать от опасности или сразиться с ней. Да-да! Но также норадреналин вырабатывается в особой структуре — голубом пятне ствола головного мозга. Каковое, помимо всего прочего, работает как воротный механизм для болевых сигналов от тела. Именно голубое пятно помогает нам заблокировать чрезмерные болевые сигналы. Я обожаю эту структуру.

— Какие у вас странные увлечения, советник…

— Мне нравится твой настрой, Коулман, да-да! — Его голос становится невыносимо фамильярным.

— А мне твой не нравится. Звучишь, как чокнутый извращенец.

— Так вот, Коулман, мы сейчас снизим активность голубого пятна, лишив его возможности посылать обезболивающие сигналы в задние рога спинного мозга, и заблокируем работу эндорфиновых рецепторов. Это значительно изменит твоё восприятие боли. Да-да! Каждое прикосновение будет разноситься волнами нестерпимой боли по всему телу. Ты будешь ощущать свою селезёнку, пульсацию каждого сосуда, мучительные суставные и мышечные боли. А ещё мы усилим работу орексиновой системы мозга, чтобы воздействие вызывало как можно больше негативных и болезненных эмоций в дальнейшем. Это поможет тебе раскаяться на суде. Ты раскаешься во всём, Коулман, лишь бы мы это прекратили. Ты будешь уважать наши законы и наши суды. Я тебе это обещаю. Да-да!

— Я вижу, у тебя серьёзные такие познания в нейрохимии, — произнося это, замечаю, что мой голос дрогнул.

— Вводите электроды, доктор.

Резкая боль в шее сбоку, словно игла, впивающаяся между пучков мышц. Ощущаю себя ушком иголки, в которое пытаются просунуть нитку. В наружную ярёмную вену всаживается две иглы, видимо, с веществами-блокаторами рецепторов к эндорфину и орексину.

— И это всё? — я стараюсь не терять контроль.

— Погоди, дружочек. Ты ощутишь все эффекты совсем скоро. Да-да!

— Жду с нетерпением, — произнося это, я уже ощущаю, как лежать становится не просто некомфортно, но совершенно нестерпимо. В кожу словно впиваются острые раскалённые гвозди, в висках стучит, мышцы как будто сводит судорога.

— Готовьте набор для раскаяния. Начинайте сразу со второго сета. Не будем тянуть.

Слышу несколько смешков позади меня, звон каких-то инструментов.

Через несколько секунд ко мне подлетает один из ассистентов в халате и хватает мою правую руку. Острая игла вонзается под ноготь указательного пальца, глубже, ещё глубже. Второй ассистент не мешкает, снимает тапок с левой ноги и вгоняет иглу под большой палец.

— Аааааа! — я кричу во всё горло.

— И даже не надейся потерять сознание, Коулман, мы и это контролируем. Сейчас ещё снизим активность голубого пятна.

— Сдохни! Сдохните все! Аааааа! — я ору, но и кричать становится невыносимо больно.

Связки словно режут острым стеклом. Во рту, в пищеводе, в желудке — стекло. Меня начинает колотить.

— Нам просто нужно, чтобы ты на суде послезавтра плакал и говорил, что безмерно любишь Корпорацию и Правительство Аридафии, да-да, хи-хи-хи-хи-хи-хи-хи! — Его скрипучий смех болью отдается в ушных раковинах. — И, конечно, ты скажешь, что ненавидишь «Восстановление», тебя вынудили эти недоноски, соблазнили девой желанной. И ты до конца дней своих будешь предан только Корпорации и Правительству. Видишь, как мало мы от тебя хотим. Да-да!

— Вы всё… всё… — едва справляясь с раздирающей болью в горле, выдавливаю я. — Вы всё равно нас всех убьёте. Мне нечего терять. Я хочу умереть по совести.

— Какой совести?! — орёт Бойм. — Ты умрёшь в муках раскаяния.

Бойм хватает мою левую руку и уверенным движением ломает средний и безымянный палец:

«Да-да!!»

— Аааааа! — Мой вопль отдаётся эхом по всей операционной.

Я — забитый, загнанный в угол зверь.

— Усилить ингибирование голубого пятна, — командует Бойм.

— Слушаюсь.

Электрические иглы вонзаются в плоть, и сознание, распятое на жгучем пламени, разрывается на части. Боль настолько нестерпимая, что хочется содрать с себя кожу и убежать из собственного тела.

— Я требую адвоката! Где мой адвокат! — из последних сил воплю я.

— У тебя была возможность пойти навстречу адвокату, но ты отказался.

— Я требую адвоката, адвоката… — мямлю, нет, уже, скорее, мяукаю.

Сознание проваливается в небытие. Боль везде, словно весь мир вокруг, каждая его частица, кровоточит и взрывается болью. Электрические клещи впились в нутро, и сознание, схваченное смертельной хваткой жгучего пламени, корчится в беззвучном вопле. И тут вдруг всё меняется. Так стремительно, что я не замечаю этого перехода. Внезапно начинает казаться, что мне нравится боль. Любая. Резкая. Тупая. Пронзающая. Острая. Саднящая. Пекущая. Ноющая. Сверлящая. Кинжальная.

— Больше болиииии! — мяукаю я. — Давай всё, что есть!

В меня вонзают иглы, сдирают кусочки кожи, ломают пальцы, избивают, прожигают раскалённым металлом и вытворяют самые садистские вещи.

Я начинаю хохотать. И мне выбивают несколько зубов.

Что-то идёт не по плану. Со мной что-то не так. Их машинка для пыток сломалась об меня. Они не ожидали, что мой организм адаптируется и начнёт воспринимать боль как нечто приятное и благостное. Нет, это не так, разумеется. Но, видимо, включается адреналин и другие системы. Их методы рассчитаны на короткий шок. При затяжной боли тело само начинает защищаться. Палачам приходится дозировать удары, чтобы сердце не встало раньше времени. А ещё они не догадались заблокировать ГАМК — главный тормозной нейромедиатор. А значит, центральное торможение всё ещё способно срезать пики мучений, поднимая порог чувствительности.

Желудок скручивает спазмом, содержимое рвётся наружу, но Бойм грубо затыкает мне рот кляпом. Горькая желчь жжёт гортань. Слёзы горячим потоком заливают лицо, но я едва способен это осознать.

Спустя бесконечные часы сердце сбивается с ритма, делает последний, судорожный толчок и замирает. Им так и не удалось сломить мою волю.

Я просыпаюсь лишь к вечеру следующего дня. Они меня откачали, восстановили кожу и пальцы. Всё-таки их технологии творят чудеса. Им же нельзя везти меня на суд в ранах, ожогах и порезах. Важно же показать, что Корпорация не такая плохая, как о ней многие думают. На самом деле, меня самого немного беспокоит тот факт, что я привык к боли. Так быть не должно. Возможно, в моей нервной системе есть что-то необычное. Может ли это быть напрямую связано с моими провалами в памяти?

В назначенный для судебного заседания день один из охранников меня будит грубым пинком. После чего я иду в столовую. Посещают мысли о побеге, но я даже не знаю, на каком этаже нахожусь, сколько точно охранников снаружи и внутри, какие у них инструкции. Да и важно ли всё это? Скорее всего, все члены сопротивления пойманы и казнены или ждут приговора, как Раварта. А возможно, все приговоры уже исполнены, и мне вообще лгут про возлюбленную. Быть может, она уже давно с пулей во лбу под крышкой цинкового гроба или сожжена и развеяна по ветру. От этих мыслей становится только тоскливее. Хочется, чтоб приговор привели в действие как можно скорее. Мы так и не вернули себе свободу, так и не почувствовали вкус жизни. Меня уже не первую неделю пичкают лекарствами и ГМО с токсичными белками.

Глава 9

К тому времени, как меня привозят в здание суда, его уже окружает толпа. Меня спешно ведут через чёрный ход прямиком в зал заседаний. Металлические наручники неприятно впиваются в кожу. Сегодня здесь невыносимо душно от набившихся внутрь людских тел: свидетелей, родственников погибших, просто зевак, согнанных для эффектности.

Меня доставляют к середине заседания, видимо, чтобы не мешал. Кристини сегодня в зале нет. Судья выслушивает доводы прокурора, затем представителей Корпорации.

— Мы несём убытки, огромные потери из-за деятельности группировки под названием «Плодородие», и нам известно, что мистер Коулман принимает самое активное участие…

«Интересно, а какие убытки несут сотни тысяч, нет, миллионы людей по всей стране из-за деятельности и запретов Корпорации?»

— Вы ведь ещё и совершили самоуправство, мистер Коулман? Мистер Коулман, вы с нами?! — рявкает судья.

— Да, да, — отвечаю я в растерянности. — Какое самоуправство?

— Вы изъяли из съёмной квартиры имущество, принадлежащее корпорации «Плазмида»?

— Не понимаю, какое имущество? Ничего я не изымал.

— Ну как же. — Перед судейским столом возникает изображение кубического предмета, который я даже не сразу узнаю. — Прикроватная тумба! Вот что! Вы нахально распорядились тумбой по своему усмотрению, выбросив на свалку.

«Чёрт, как же давно это было. Да, это та самая несчастная тумба, которую я вынес из квартиры, чтобы освободить дополнительное пространство. Да, счетоводы Корпорации не дремлют».

— Хорошо хоть мусорные пакеты не посчитали, — почти со смехом парирую я.

— Между прочим, посчитали, — вмешивается прокурор. — Посчитаны все траты на вас, в том числе и необоснованные.

— Ах да. Как же я не подумал. И к тому же я, наверное, просто так в Корпорации «за спасибо» должен был трудиться.

— Тишина! — рявкает судья. — Вы, вы, ничтожество! Корпорация дала вам путёвку в жизнь, обучила, обула, накормила вас! А вы всё хотите разрушить!

Я расплываюсь в улыбке и, заведя руки за спину, кланяюсь.

«Ну чем кормит Корпорация, мы все знаем».

— Это возмутительное хамство! — вопит прокурор.

Начинается потасовка, судья что-то желчно бормочет под нос. Прокурор продолжает выкрикивать ругательства и обвинения. Меня начинает трясти, из мышц уходит сила — ноги подкашиваются. Едва сдерживаюсь, чтобы не рухнуть. Хочется горько расплакаться. На мгновение животный страх завладевает мной, и теперь уже хочется зарычать, обложить всех вокруг, наброситься на судью, избить всех обвинителей кулаками, вразумить их. А если не получится переубедить — растерзать в клочья. *«Ненавижу всех вас! Всех до единого!»* Гнев сменяется бессилием, выученной беспомощностью.

Судья продолжает задавать уточняющие вопросы прокурору.

В какой-то момент уши закладывает, видимо, от напряжения, я теряю нить повествования. Думаю, что я остался один. Всех поймали и давно уже казнили — в противном случае нас всех бы судили вместе. Хотя… мне должно быть всё равно: сестра убита, Раварта казнена, друзья из «Плодородия» расстреляны или посажены в тюрьму, мама, наверное, сошла с ума. Она и без того давно себя забросила. Я один. Один в этом мире. Вокруг лишь океан бездушных лиц, обезумевших глаз. Больше никого нет. Остаётся ли во мне вера хоть во что-то?

Поднимаю голову и вновь смотрю на гордый и стремительный силуэт смелой и чистой душой женщины — защитницы Аридафии. Наверное, такой я бы хотел видеть свою мать: сильной, целеустремлённой, непоколебимой. Верит ли кто-то в нашем мире ещё в таких людей? Должны же быть те, кто откликнется на зов справедливости, порядочности и доброты. На глаза наворачиваются слёзы, они ещё больше размывают очертания символа Аридафии, но я всё равно будто вижу его совершенно ясно.

Затерявшись в своих размышлениях, я не замечаю, как судьи удаляются для совещания, и вскоре возвращаются.

Некоторое время они сидят и перешёптываются, в зале повисает гробовая тишина.

Наконец, председательствующий судья поднимается и зачитывает приговор. В нём долго и нудно перечисляются все события, якобы связанные со мной и приведшие к совершению преступлений. Судья делает паузу, а затем продолжает:

— На основании вышеизложенного, руководствуясь статьёй 1435 Уголовного кодекса Объединённой Аридафии, приговариваю: признать мистера Трэя Коулмана виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 34, 148, 249, 279, 765, 876, 967, 989, 1245, 1378 УК ОА, и назначить ему наказание в виде смертной казни. Приговор обжалованию и отмене не подлежит.

По залу проносятся вздохи, сперва удивления, а затем восторга. Аплодисменты словно возвращают меня к жизни. Я будто только сейчас по-настоящему осознаю, что только что свершилось.

— Подсудимый, у вас есть последнее публичное слово. Вам предоставляется десять минут, чтобы высказаться в своё оправдание, хотя, — председательствующий судья ухмыляется, — оправдаться у вас вряд ли получится.

По залу прокатывается хохот. Эти люди явно не на моей стороне. Я замечаю, что на меня направлены два сканирующих визуальных телезонда Центрального вещания. Возможно, я даже в прямом эфире.

Я сперва теряюсь, не в силах что-то из себя выдавить, но нужно проглотить обиду и оставить хоть какое-то здравое объяснение. Признательных показаний я им не выдал, а слушать до этого меня здесь не собирались. Набираю воздуха и уверенно произношу:

— Вероятно, для большинства из здесь присутствующих или смотрящих на меня сейчас я лишь очередной преступник, — один из телезондов подлетает чуть ближе ко мне, — безумец, возомнивший о себе бог весть что. Но то, что произошло со мной за последние полгода, полностью изменило моё отношение к жизни в нашей стране. Я вижу, на какие жестокости способна Корпорация и её приспешники. Корпорация сперва сгнила сама, а затем принялась гноить и всю страну. Кто дал право этим людям устанавливать свои законы? Кто позволил людям, для которых цифры чистой прибыли ценнее всех человеческих жизней, распоряжаться будущим Аридафии?

— Мистер Коулман, давайте, пожалуйста, по существу вашего дела, — вмешивается в мою речь одна из судей.

— А я как раз по существу и изъясняюсь. Именно несправедливость, которая утвердилась с приходом корпоратов к власти, безнаказанность корпоративных чиновников, невозможность что-либо изменить и подтолкнули меня к самым решительным действиям. То, что я осуществил, сделал бы на моём месте любой здравомыслящий человек. Я не могу смотреть на мучения своей младшей сестрёнки. Её разъедала страшная аллергия на аквафобины, которые по сей день содержатся почти во всех генномодифицированных продуктах, создаваемых «Плазмидой». Мою сестру мог спасти лишь отказ от потребления этой токсичной еды. Это заставило меня взять то, что по праву принадлежит каждому жителю Аридафии, — семена нативных растительных культур. Я мог спасти свою сестру, но сотрудники службы собствен-

ной безопасности президента Рида безжалостно убили мою сестру, внутривенно введя ей яд на моих глазах. И их никто за это не осудил! Никто! Этих подонков так и не осудили!!

По залу проносятся возмущённые вздохи и перешёптывания. Я поворачиваюсь лицом к залу и продолжаю:

— Корпорация объявила войну гражданам Аридафии. Корпорация не является нам другом, она лишь пользуется благами нашей страны, устраняя неугодных людей. Мне пришлось сражаться, чтобы отстоять правду, честь и свободу людей. Рано или поздно вы все пойдёте на фронт. Только, скорее всего, Корпорация заставит вас воевать на своей стороне против своих же граждан. Я хочу верить в то, что моя гибель и гибель многих других, кто боролся за свободу и справедливость, кто боролся за право выбора, где ему жить, чем питаться, как перемещаться, будет не напрасной. Я обращаюсь к народу Аридафии: если в вас осталась хоть капля храбрости, доброты и честности — собирайтесь, выступайте против тиранов, пока они не пришли и не убили ваших детей.

И тут откуда-то из самой глубины зала раздаётся мерзкий выкрик, а потом ещё и ещё, всё тот же:

— Неубедительно! Неубедительно! Неубедительно!

Я узнаю этот голос. Он принадлежит Одаку Йозо из нашего отдела. Никогда бы не подумал, что этот человек будет пытаться осадить меня на судебном процессе. Я уверен, что он не понимает, что творит. Он делает это из-за тотального страха, оцепенения, чтобы выслужиться перед руководством Корпорации. Вот как ведут себя некоторые люди, словно крысы, загнанные в угол клетки.

— Довольно! Заседание окончено! — подрываясь со своего места, вскрикивает председательствующий судья. Его лицо размыто, но я знаю, что оно перекошено злобой и негодованием. Надеюсь, его однажды вывернет от осознания собственной тупости, если хватит на это ума.

Зал гудит, напряжение усиливается, никто не аплодирует. Эти люди, хоть и дрожат за свои хлебные места, всё же не идиоты и понимают, что на самом деле происходит. Но, скорее всего, даже понимание реальной ситуации их так ни к чему и не подтолкнёт. Они так и будут безвольно слушаться чиновников и терпеть всё более сковывающие ограничения.

Меня выводят из здания суда в наручниках, которые вот-вот разрежут кожу до крови. Толпа ревёт: «Казнить, казнить, казнить!»

Мне больно тычут дубинкой в спину, поторапливая. Я поскальзываюсь на лестнице и падаю лицом вниз. Толпа хохочет. А когда меня грубым рывком поднимают, собравшиеся вновь принимаются хором выкрикивать: «Казнить предателя!»

— На полигон? — спрашивает один из полицейских.

— Да, на полигон. Давай живее, чтоб до темноты, а то придётся до завтра откладывать.

Меня заталкивают в кузов огромного бронированного полицейского автомобиля и везут на расстрел. Вот и конец всему.

В кузове пусто и холодно, будто здесь морозильная камера. Это, видимо, для того, чтобы сковать мышцы преступника, иммобилизовать или даже притупить сознание. Я сижу на небольшой металлической рейке. Она здесь заменяет скамейку. Напротив двое полицейских. Через два крохотных окошка едва пробивается вечерний свет. По металлическому кольцу наручника пробегает оранжевый блик. Кто ещё до меня носил эти наручники? Скольких везли в этом страшном кузове? Быть может, недавно в нём везли и Раварту. Меня начинает колотить озноб, дыхание сбивается. Хочется заплакать, горько и злобно. Людская слепота и глупость могут завести в дали невиданной жестокости.

— Что это там впереди? — слышу приглушённый голос водителя, обращённый к полицейским в кабине.

Выстрел, звук битого стекла, ещё выстрел, битое стекло, выстрел, битое стекло, выстрел, стекло.

Машина во что-то врезается, я едва успеваю сгруппироваться, хотя в наручниках это нелегко. Ударяюсь головой о переднюю стенку. Грохот со стороны дверцы кузова, внутри становится темно и дымно.

В кузов запрыгивают двое, свет фонариков слепит. Один из них осторожно берёт меня за локоть и поднимает.

— Давай я, — раздаётся знакомый женский голос, но размытое зрение не даёт мне разглядеть лицо.

— Шелена? — всё ещё не веря своим ушам, спрашиваю я.

— Лучше Луна, мне так привычнее, — она хлопает меня по плечу.

— Ну давай, поднимайся и пошли отсюда! — звучит голос Тода.

Я бросаюсь в объятия к Луне, как только она помогает мне освободиться от наручников, потом обнимаю Тода, попутно объясняя, что у меня ещё не совсем восстановилось зрение.

Тод поднимает меня, накидывает на плечи куртку и водружает на эйрборд, затем пристёгивает к себе, и мы взмываем в воздух.

— Нам нельзя по-другому, все авто сейчас на особом учёте, — поясняет подлетевшая к нам Луна. — Но нам недолго тут лететь.

Сердце бешено колотится от волнения и бури эмоций. Ещё полчаса назад я смирился со скорой смертью, а теперь мчусь вперёд с людьми, изменившими мою жизнь навсегда. Я хочу расспросить Тода о том, где Раварта и что с ней, но решаю оставить этот разговор на потом. Ему не легче, чем мне. Но знать он должен явно больше.

Мы пересекаем шестой периметр, затем седьмой, и подлетаем к одному из старинных особняков Старого города, сохранённого при перепланировке столицы. Здесь некогда размещался музей старинной культуры светловолосых людей, прибывших из других мест. Они были скандинавскими переселенцами или что-то вроде того.

Пару раз я проезжал мимо этого здания, когда догонял на такси уезжающий поезд — не всегда удавалось успеть сесть на Центральном вокзале. Башня из камня, увенчанная то ли крестом, то ли каким-то кораллом, всегда мне казалась вычурной среди сооружений современного Мингалоса. Музей давно закрыт и законсервирован.

Но сегодня мы спокойно проходим по засыпанной снегом лужайке и направляемся прямиком к запасному входу. Приходится зябко ёжиться от холода, обдающего ноги и голову. За несколько месяцев жизни в жарком климате я уже стал забывать про наши зимы — серые и беспросветные даже под экранирующим климатическим куполом столицы.

Когда мы подходим к дверям из тёмного дерева, я ожидаю встретить на входе приветливого Горана, крепко обнять нашего сторожа и похлопать его по уже немолодой спине.

Но сегодня нас никто не встречает — всё тихо и безлюдно. На мой вопросительный взгляд Тод отвечает коротко:

— У старика от нервов не выдержало сердце. Его даже не пытали.

— У него осталась жена. Мы её разыскали, но она почему-то считала, что он давно живёт с другой женщиной, — подключается Луна, когда мы проходим по узкому коридору, ведущему к старинной лестнице.

— А у него была другая женщина? — зачем-то спрашиваю я, хотя понимаю, что это совершенно не моё дело.

Луна пожимает плечами и протискивается вперёд.

— Нет, — недовольно бормочет себе под нос Тод.

«Вот так служишь высокой цели, а твоя собственная жена считает, что ты изменник», — мелькает в голове.

Лестница из тёмного дерева с массивными вычурными перилами упирается в балкон, который ведёт сразу в два помещения. Поднявшись, мы сворачиваем направо, проходя вдоль ограды из резных балясин. За дверью слышны негромкие разговоры. Луна стучит два раза, делает паузу, затем стучит трижды и произносит:

— «Ретенция» на пике.

Дверь открывается, и навстречу выходит чуть полноватая седовласая женщина. Даже сквозь изрядную размытость узнаю в ней Нори.

— Так-так, кто это тут к нам пожаловал? — с лёгкой, чуть ехидной, но всё же доброй улыбкой спрашивает она.

Не сдерживаюсь и бросаюсь к ней в объятия. Она прижимает меня к своей груди и гладит по спине. С тех пор, как я видел её в последний раз, она заметно поправилась. Быть может, что-то с обменом веществ, или она просто заедает стресс. Сейчас она мне напоминает мою собственную бабушку, такую же добрую и принимающую.

Луна и Тод проскальзывают мимо нас. Когда мы разнимаем объятия, я замечаю, как увлажнились глаза Нори. Она не выдерживает и обнимает меня вновь:

— Мальчик мой, сколько ты всё натерпелся. Прости меня, старую дуру.

Слёзы сами катятся по щекам, и я мотаю головой — нет, мол, всё правильно.

Откуда-то издалека доносится топот, и в помещение вбегают Абиг, Алекс и Патрик. Их я бы смог распознать даже в абсолютной темноте.

Я не верю своим глазам и другим органам чувств. Алекс набрасывается на меня и трясёт, не в силах признать во мне Трэя. Я смутно припоминаю, что когда-то он даже обижался на меня, но сейчас это, видимо, куда-то улетучилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.